

U. S. Hugos
Infernaliana

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCXLIV

Salamandra P.V.V.

**Шарль
НОДЬЕ**

INFERNALIANA

или Анекдоты, маленькие повести, рассказы и
сказки о блуждающих мертвецах, призраках,
демонах и вампирах

Перевод и комментарии
С. Шаргородского

Salamandra P.V.V.

Нодье Ш.

Infernaliana или Анекдоты, маленькие повести, рассказы и сказки о блуждающих мертвецах, призраках, демонах и вампирах. Пер. и комм. С. Шаргородского. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 114 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCXLIII. Вампирская серия).

Шарль Нодье (1780-1844), французский писатель, драматург, библиофил, библиотекарь Арсенала, внес громадный вклад в развитие романтической и в частности готической словесности, волшебной и «страшной» сказки, вампирической новеллы и в целом литературы фантастики и ужаса. Впервые на русском языке — сборник Ш. Нодье «Инферналиана» (1822), который сам автор назвал собранием «анекдотов, маленьких повестей, рассказов и сказок о блуждающих мертвецах, призраках, демонах и вампирах».

1819-2019

ВАМПИРСКАЯ СЕРИЯ

К

**200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПУБЛИКАЦИИ
«ВАМПИРА» Д. ПОЛИДОРИ**

INFERNALIANA.

Les effets les plus surnaturels proviennent souvent des causes les plus simples ; ne doutons pas toujours , ne croyons pas trop aveuglément , et profitons de ce qui peut nous être utile.

PUBLIÉ PAR CH. N***.

A PARIS ,

CHEZ { SANSON, Libraire, boulevard Bonne-
Nouvelle, n° 3.
NADAU, Faubourg Saint-Martin.

1822.

INFERNALIANA

или

АНЕКДОТЫ, МАЛЕНЬКИЕ ПОВЕСТИ,

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

о блуждающих мертвецах, призраках,
демонах и вампирах

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Из числа всех распространенных заблуждений, вера в вампиризм, несомненно, наиболее абсурдна; возможно, она даже смехотворней веры в привидения.

Вампиры едва ли были известны до XVIII столетия. Колыбелью их являлись Валахия, Венгрия, Польша и Россия. Вольтер, в своем *Философском словаре*, пишет: «С 1730 по 1735 год только и говорили о вампирах; их выискивали, сердца их вырывали и сжигали. Но они напоминали мучеников древности — чем больше их жгли, тем больше их становилось».

Поразительно, как разумные создания так долго способны были верить, что мертвецы выходят по ночам с кладбищ, дабы высасывать кровь из живых, и что эти же мертвецы возвращаются затем в свои гробы. И тем не менее, мы можем твердо сказать, что в существовании вампиров были убеждены достойнейшие люди и что власти и сами распространяли подобные нелепости. Мы призываем наших читателей не верить таким историям, равно как и рассказам о призраках, ведьмах, демонах и так далее. Все сказанное и написанное по этому поводу никак не отличается достоверностью и не заслуживает ни малейшего доверия.

Отдельные рассказы почерпнуты нами у различных авторов; нас снабдили ими Ленгле-Дюфреснуа, *Тысяча и один день*, дом Кальме и другие.

Многие истории представляют собою плоды нашего воображения; если же мы не ссылаемся в точности на тех или иных авторов, то лишь за недостатком места. Тогда как вампиризм, добавим, насчитывает чуть более века, вера в призраков, ведьм и пр. восходит, я считаю, ко временам сотворения мира, однако ни один человек, пребывающий в здравом уме, не может заверить нас, что видел или знал их.

КРОВАВАЯ МОНАХИНЯ

Новелла

Некий призрак столь часто посещал замок Линдемберг, что сделал его непригодным для обитания. Усмиренный наконец одним праведником, он удовольствовался единственной комнатой, которую постоянно держали запертой. Но каждый год, в пятый день мая, в урочный утренний час, призрак покидал свое убежище.

То была монахиня со скрытым вуалью лицом, одетая в окровавленную рясу. Держа в одной руке кинжал, а в другой горящую свечу, она спускалась таким манером по парадной лестнице, пересекала двор замка, выходила из главных ворот, каковые в этот день предусмотрительно оставляли открытыми, и исчезала.

Таинственное пришествие монахини уже близилось, когда влюбленному Раймону было отказано в руке девицы Агнес; Агнес же он любил до безумия.

Раймон потребовал свидания, получил его и предложил бегство. Агнес, зная чистоту сердца возлюбленного, тотчас согласилась. «Через пять дней, — сказала она, — *кровавая монахиня* должна выйти на прогулку. Ворота будут открыты, и никто не посмеет встать у нее на пути. До тех пор я успею запастись подходящим платьем; я выскользну, не будучи узнанной; жди меня поблизости...» Здесь кто-то появился и они принуждены были расстаться.

Пятого мая, в полночь, Раймон был у ворот замка. В пещере неподалеку ждала карета с двумя лошадьми.

Свет гаснет, шум стихает, бьют часы; привратник, по старинному обыкновению, отпирает главные ворота. В восточной башне загорается огонек, трепещет в окнах, спускается вниз... Раймон видит Агнес, узнает рясу, свечу, кровь и кинжал. Он приближается; она бросается в его объятия. В экипаже она едва не лишается чувств; он поддерживает ее; кони мчатся.

Агнес не произносит ни слова.

Кони скачут изо всех сил; два фореитора, пытавшиеся их сдержать, сброшены наземь.

В этот миг поднимается страшная буря; ветер свищет, срываясь с цепи; гром грохочет среди тысячи молний; карета разбита в щепы... Раймон падает в беспамятстве.

Наутро он приходит в себя; вокруг него хлопочут крестьяне. Он спрашивает их об Агнес, о карете, о буре; те ничего не видели, ничего не знают и говорят, что нашли его в десяти лигах от замка Линдемберг.

Раймона доставляют в Регенсбург; врач обмывает его раны и советует отдохнуть. Молодой любовник без конца умоляет разыскать Агнес, задает сотни бесплодных вопросов, на которые никто не в силах ответить. Все считают, что он утратил рассудок.

День тянется, усталость и истощение погружают его в сон. Раймон мирно спит и пробуждается, когда часы на башне близлежащего монастыря отбивают час. Тайный ужас охватывает его, волосы становятся дыбом, кровь холодеет у него в жилах. Дверь распахивается, в свете горящей на каминной полке лампы кто-то приближается: это *кровавая монахиня*. Призрак подходит ближе, неотрывно глядит на него, садится на кровать и на протяжении часа сидит недвижно. Часы отбивают два. Привидение поднимается, сжимает холодными пальцами руку Раймона и произносит: «*Раймон, я твоя; ты мой на всю жизнь*». Монахиня сейчас же выходит, и дверь закрывается.

Раймон свободен — он кричит, он зовет на помощь; все окончательно убеждаются, что он помешался; его болезнь усиливается, и все ухищрения медицины оказываются тщетны.

На следующую ночь монахиня приходит снова, и ее визиты продолжаются несколько недель. Призрак видим лишь Раймону и остается незрим для всех сидящих у его изголовья.

Увы! Раймон узнает, что Агнес в ту ночь припозднилась и напрасно искала его в окрестностях замка; он заключает, что вместо Агнес похитил кровавую монахиню. Роди-

тели же Агнес, не одобрявшие их любви, воспользовались тем, что сердце девушки было разбито этим происшествием, и убедили ее уйти в монастырь.

Раймона спас случай. В Регенсбурге объявился проездом один таинственный человек; его привели в покои Раймона в тот час, когда несчастного посещала кровавая монахиня. Увидев незнакомца, монахиня задрожала; затем, по его настоянию, она объяснила причину своей докучливости. В давние времена она жила в испанском монастыре и покинула обитель ради греховной связи с владельцем замка Линдеберг; изменив любовнику, как прежде Богу, она заколола владельца замка и была убита сообщником, за коего надеялась выйти замуж; тело ее осталось непогребенным, а неприкаянная душа бродила в течение столетия. Она молила о клочке земли для первого и молитве для второй. Раймон пообещал ей это и более ее не видал.

ВАМПИР АРНОЛЬД-ПАУЛЬ

Крестьянин из Медрейги (деревня в Венгрии) по имени *Арнольд-Пауль* разбился, упав с повозки, груженной сеном. Спустя тридцать дней после его смерти внезапно умерли четыре человека, причем все указывало, что они были растерзаны вампиром. Припомнили, что Арнольд-Пауль часто говорил, будто под Кассовой, на границе с Турцией, его долго мучил турецкий вампир; зная, что жертвы вампиров по смерти сами делались вампирами, он нашел способ защитить себя, поедая землю с могилы турецкого вампира и натирая тело его кровью. В деревне полагали, что если это средство и защитило Арнольда-Пауля, оно не помешало ему в свою очередь по смерти стать вампиром. Вследствие этого, его извлекли из земли, дабы убедиться, что он действительно сделался вампиром; и хотя он был погребен сорок дней тому, тело его не разложилось, волосы, ногти и борода продолжали расти, а в венах струилась свежая кровь.

Бальи той местности, в чьем присутствии выкопали тело, был знатоком вампиризма и приказал насквозь проткнуть сердце мертвеца крепким заостренным колом, что и было незамедлительно проделано. Вампир начал издавать ужасающие крики и биться, как если бы был живым. После его голову отсекли и сожгли на большом костре. Тела четырех жертв Арнольда-Пауля подвергли той же процедуре, дабы и они не сделались вампирами.

И однако, невзирая на все эти предосторожности, вампиризм спустя несколько лет вспыхнул вновь, и за три месяца семнадцать человек всех возрастов, как мужского, так и женского пола, умерли жуткой смертью; некоторые вовсе не болели, другие перед смертью страдали два или три дня. Однажды вечером девушка по имени Станоска легла спать, будучи вполне здоровой, но проснулась посреди ночи, вся дрожа и испуская жалобные крики; она поведала, что молодой Милло, умерший девять недель назад, пытался задушить ее

во время сна. На следующий день Станоска тяжело захворала и, проболев три дня, умерла.

Подозрения обратились на умершего молодого человека, коего сочли вампиром; его выкопали, признали таковым и соответственно казнили. Доктора и хирурги в округе ломали головы над тем, как мог вампиризм проявиться спустя столь значительный срок; путем долгих расследований они сумели установить, что Арнольд-Пауль, первый вампир, терзал не только тех, кто умер вслед за ним, но и домашнюю скотину, чье мясо отведали недавно умершие и среди них молодой Милло. Казни возобновились; сердца семнадцати найденных вампиров были пронзены, головы отсечены, тела их сожгли и пепел бросили в реку. Эти меры помогли покончить с вампиризмом в Медрейге.

ФЛАМАНДСКАЯ ДЕВИЦА, УДУШЕННАЯ ДЬЯВОЛОМ

Черная сказка

Нижеследующая история приключилась 27 мая 1582 года. В Антверпене жила одна молодая и красивая девица, любезная, богатая и происходившая из хорошей семьи; все это наполняло ее гордостью и тщеславием, и целыми днями она только и делала, что наряжалась в роскошные платья, дабы усладить взоры множества окружавших ее изящных кавалеров.

Случилось так, что друг ее отца собрался жениться, и девицу эту, как было заведено, пригласили на свадебную церемонию. Не желая пропустить такое празднество и радуясь возможности превзойти красотой и обходительностью всех остальных дам и девиц, она выбрала самые изысканные наряды и запаслась киноварью, собираясь нарумянить лицо по образцу итальянок; а поскольку фламандцы превыше всего ценят воротнички, изготовленные из лучшего материала, она заказала четыре или пять воротничков, причем одно полотно обошлось в девять экю. Когда же воротнички были готовы, она послала за искусной крахмальщицей, препоручив ее стараниям два воротничка, на день свадьбы и день после, и пообещав в награду за труды двадцать четыре су.

Крахмальщица взялась за дело, но воротнички не удовлетворили девицу, и та немедленно послала за другой работницей; она вручила ей свои воротнички и чепец и посулила экю, если все будет сделано по ее вкусу. Вторая крахмальщица вложила в работу все свое умение, но девица осталась недовольна; в досаде и ярости она изорвала чепец и воротнички, разбросала клочки по комнате и, проклиная имя Божье, заявила, что лучше ей быть *унесенной дьяволом*, чем показаться на свадьбе в подобном одеянии.

Не успела бедная девица договорить эти слова, как дьявол, бывший начеку, принял обличие самого милого ее серд-

цу воздыхателя и предстал перед нею с восхитительным гофрированным воротничком на шее, накрахмаленным и уложенным по последней моде. Деввица, считая, что беседует с одним из своих миньонов, тихо спросила его: «Друг мой, кто так прекрасно уложил ваши кружева? хотелось бы и мне». Злой дух ответил, что уложил их самолично, и мигом сорвал с шеи воротничок, надев его на шею деввицы, которая не смогла сдержать радости при виде этого украшения; вслед за тем, обняв бедняжку за талию и словно намереваясь поцеловать ее, нечестивый демон издал ужасный вопль, зверски свернул ей шею и швырнул на пол ее бездыханное тело.

Вопль тот был настолько чудовищен, что его услышал и отец деввицы, и прочие домашние, сочтя этот крик предвестником несчастья. Они поспешили в покои, где нашли деввицу мертвой и окоченевшей; ее шея и лицо были черны и вздулись, а посиневший искривленный рот заставил всех в ужасе отшатнуться. Отец и мать деввицы долго плакали, захлебываясь от жалостливых рыданий, а затем распорядились положить тело в гроб; страшась позора, они объявили, что дочь их умерла от апоплексического удара. Но подобное событие должно быть явлено всем и послужить уроком, а следовательно, не могло оставаться скрытым. Распоряджаясь похоронами дочери, отец призвал четырех сильных и крепких мужчин, но они не смогли вынести и даже приподнять гроб, где лежало ее нечестивое тело. Позвали еще двух дюжих носильщиков, которые присоединились к первым четырем; но все было напрасно: гроб был так тяжел, что его невозможно было сдвинуть с места и он казался приколотенным к полу. Испуганные носильщики потребовали вскрыть гроб, что было тут же исполнено. Однако в гробу (о ужас!) оказалась лишь черная кошка, каковая выпрыгнула и исчезла, прежде чем ее успели разглядеть. Гроб остался пустым; несчастье теще-славной деввицы открылось, и церковь отказалась дать ей последнее благословение.

ВЕНГЕРСКИЕ ВАМПИРЫ

В доме одного крестьянина, на границе, жил венгерский солдат; и как-то, когда они обедали, в дом вошел незнакомец и уселся за стол. Крестьянин и его семья были очень испуганы этим визитом; солдат же, не зная, чем вызван был страх этих добрых людей, мог только дивиться. Но на следующий день, когда крестьянина нашли в постели мертвым, солдат узнал, что в дом приходил отец хозяина, умерший и похороненный десять лет тому; это он сел за стол рядом с сыном и таким образом возвестил и причинил ему смерть.

Солдат известил о случившемся штаб своего полка; оттуда направили для проверки капитана, врача, писаря и нескольких офицеров. Родные хозяина и жители деревни в один голос заверили их, что отец крестьянина вернулся с того света и умертвил сына и что все, увиденное и услышанное солдатом, соответствовало истине. Вследствие этого тело призрака выкопали. Он походил на только что умершего человека, чья кровь еще не остыла; его голову отрубили и останки захоронили в могиле. После первой экспедиции офицерам сообщили, что еще один человек, скончавшийся тридцать лет назад, имел обыкновение восставать из мертвых и уже трижды появлялся у себя дома в обеденный час. В первый раз он впился в шею собственного брата и высосал много крови; во второй совершил то же с одним из сыновей; в третьем случае напал на слугу — и все трое умерли. Сей зловредный бродячий покойник был в свою очередь извлечен из земли и найден полным крови, как и первый вампир. В его голову вбили увесистый гвоздь и могилу вновь забросали землей.

На сем комиссия сочла, что дело закончено, но тут со всех сторон начали поступать жалобы на третьего вампира; тот был мертв шестнадцать лет и ухитрился убить и сожрать двух своих сыновей. Этого третьего вампира, как наиболее преступного, сожгли; и после указанных казней офицеры по-

кинули деревню, оставив жителей в убеждении, что они наконец избавились от непокойных мертвецов, пивших кровь их детей и друзей.

ИСТОРИЯ УБИТОГО МУЖА,

который по смерти восстал и требовал мщения

Господин де ла Куртиньер, бретонский дворянин, проводил большую часть времени, охотясь в своих лесах и навещая друзей. В один прекрасный день в его замок прибыли несколько соседей и родственников; де ла Куртиньер гостеприимно развлекал их несколько дней. Когда вся компания уехала, между господином де ла Куртиньером и его женой возникла небольшая ссора, так как ему показалось, что жена недостаточно радушно принимала гостей. И хотя он попрекал ее ласковыми и искренними словами, какие не могли ее обидеть, эта высокомерная дама ничего не ответила, сама же поклялась отомстить.

В тот вечер господин де ла Куртиньер отправился спать раньше обычного, поскольку очень устал. Вскоре он безмятежно заснул. Дама, собираясь в обычный час улечься в постель, заметила, что муж ее погружен в глубокий сон. Будь то по причине недавней ссоры или какой-то давней затаенной обиды, дама решила, что наступила удобная минута для задуманной ею мести, и приложила все старания, чтобы заручиться помощью лакея и служанки — которых, как она знала, будет нетрудно подкупить — обещая им щедрую награду.

Заставив их поклясться самыми ужасными клятвами и удостоверившись, что они будут молчать, госпожа раскрыла им свои преступные намерения и, стремясь поскорее вырвать у них согласие, вручила им по шесть сотен франков. Лакей и служанка приняли плату и вошли вслед за госпожой в спальню, где лежал ее муж; и, пока все в доме спали, они неслышно перерезали горло своей жертвы. Тело они отнесли в один из подвалов замка; там выкопали яму и похоронили убитого, поставив сверху бочонок с соленой свиной, дабы их не выдала взрытая земля. После этого все трое легли спать.

На следующий день прочие слуги, не видя хозяина, принялись спрашивать друг друга, не болен ли он. Дама сказала им, что вечером ее муж уехал с одним из друзей, чтобы предотвратить дуэль двух живших по соседству дворян. Эта уловка помогла ей выиграть некоторое время, но когда господин де ла Куртиньер не появился и на пятнадцатый день, все забеспокоились. Тогда вдова распустила слух, что покойный муж, как ее известили, ночью повстречался в лесу с разбойниками и был убит. Тихо стелая от горя, она надела траурные одежды и велела служить во всех приходах, расположенных во владениях ее мужа, заупокойные мессы и молиться за душу усопшего.

Все родственники и соседи приезжали ее утешать, она же с таким умением изображала страдание, что никто и помыслить не мог о совершившемся преступлении, и лишь по воле небес злодеяние было разоблачено.

У мужа этой госпожи был брат, который взялся опекать четырех малолетних детей покойного и время от времени приезжал в замок, дабы рассеять притворное горе невестки и присмотреть за делами. Однажды, прогуливаясь по саду в четвертом или пятом часу дня, он загляделся на цветник с прекрасными тюльпанами и другими редкими цветами, которые так любил его брат. Вдруг из носа у этого господина потекла кровь; это поразило его, так как ничего подобного с ним ранее не случалось. В тот миг он думал о брате и ему почудилось, будто тень господина де ла Куртиньера позвала его и поманила рукой. Он не испугался, но последовал за призраком в подвал, где тот исчез в точности там, где была вырыта могила. Видение это заронило в брата покойного некоторые подозрения касательно жестокого убийства; желая их проверить, он рассказал о виденном невестке. Дама побледнела, изменилась в лице и начала бессвязно бормотать. Подозрения брата окрепли, и он потребовал раскопать землю в том месте, где исчезло привидение. Вдова, ужаснувшись его внезапной решимости, с усилием овладела собой, приняла равнодушный вид и, стараясь успокоить тревогу деверя, начала потешаться над его рассказом о призраке. Подобные толки о привидениях, сказала она брату покойно-

го, сделают его предметом злых шуток и превратят в посмешище для всего мира.

Но речи вдовы не могли отвлечь его от задуманного. Подвал разрыли в присутствии свидетелей; было найдено наполовину разложившееся тело господина де ла Куртиньера. Труп извлекли и судья округа Кемпер опознал убитого. Вдову взяли под стражу вместе с сообщниками, и троих убийц приговорили к сожжению на костре. Все имущество той дамы было конфисковано и отдано на благотворительные нужды.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ С ТЕТУШКОЙ МЕЛАНХТОНА

Филипп Меланхтон рассказывает, что его тетушка овдовела, будучи в положении; однажды вечером, когда уже близились роды, она сидела у огня и увидела, как в дом вошли двое — первый походил на ее умершего мужа, а с ним был высокий и грузный францисканец. Поначалу она испугалась, но муж успокоил ее, говоря, что должен сообщить ей нечто важное; затем он жестом велел францисканцу удалиться ненадолго в другую комнату, дабы он мог передать жене свои пожелания. Он просил ее отслужить по нему мессы и дать ему руку, ничего не страшась. Она замешкалась, и он заверил ее, что не причинит ей зла. Что ж, она вложила свою руку в ладонь мужа, после отняла руку, и вправду не испытала никакой боли, однако рука оказалась так обожжена, что навсегда осталась почерневшей. После этого муж позвал францисканца, и два призрака исчезли...

ПРИЗРАК ОЛИВЬЕ

Маленькая повесть

Оливье Превильяр и Бодуэн Вертолон родились в городе Кан и с детства были ближайшими друзьями. Были они примерно одного возраста, родители их жили по соседству; все, одним словом, сулило им нерушимую и долговечную дружбу.

В один прекрасный день, пребывая в обычной для первых юношеских дней экзальтации чувств, они пообещали никогда не забывать друг друга и даже поклялись, что тот, кто умрет первым, тотчас найдет другого, дабы никогда его не покидать. Клятву эту они написали и скрепили собственной кровью.

Но вскоре *неразлучникам* (ибо так их прозвали в городе) пришлось расстаться; было им тогда по девятнадцать лет. Оливье, единственный сын, остался в Кане и помогал отцу в торговле; Бодуэна отправили в Париж изучать право, так как отец последнего видел его будущее в адвокатуре. Легко представить, какую боль причинила близкая разлука нашим друзьям. Они нежнейшим образом попрощались, подтвердили давнее обещание и вновь написали собственной кровью клятву встретиться и по смерти, если только позволят небеса. На следующий день Бодуэн уехал в Париж.

Пять лет пролетели мирно и незаметно; Бодуэн делал большие успехи в учебе и уже считался одним из самых многообещающих молодых адвокатов. Они с Оливье постоянно переписывались и рассказывали друг другу обо всех своих делах и чувствах. Однажды Оливье написал другу, что собирается жениться на юной Аполлине де Лалонд и что брак этот сделает его счастливейшим человеком на земле; Оливье добавил, что собирается в Париж за некоторыми важными бумагами и будет рад возвратиться в Кан вместе с Бодуэном, которого приглашает стать шафером на свадьбе. К

этому Оливье присовокупил, что приедет в Париж дилижансом через несколько дней.

Бодуэн, окрыленный надеждой в скором времени вновь повидать Оливье, еле дождался указанного дня и поспешил на место свидания, но друга там не нашел; миновал еще один день, второй и наконец, когда наступил четвертый день, Бодуэн вышел навстречу дилижансу на дорогу, ведущую в Кан. Вот показался дилижанс; оказавшись рядом, Бодуэн отчетливо увидел у двери очень бледного Оливье, одетого в зеленый плащ с золотой оторочкой. Экипаж быстро скрылся из виду, но Бодуэн успел услышать, как Оливье, поклонившись, сказал ему: «Жди меня у себя дома». Молодой юрист последовал за дилижансом и вскоре был на конечной станции. Не найдя нигде Оливье, Бодуэн начал спрашивать у путешественников, где же молодой человек, который поклонился и заговорил с ним на дороге, однако никто не понимал, о ком он спрашивает; тщетно описывал он одежду и внешность друга — ни один из пассажиров не видел в дилижансе человека в зеленом плаще. Кучер спросил, как зовут разыскиваемого и, услышав имя Оливье Превильяра, сказал, что того не было в списке пассажиров; кучер добавил, что хорошо знает Оливье Превильяра, весьма достойного молодого человека из Кана; когда дилижанс выезжал, Оливье находился в добром здравии и намерен был прибыть в Париж не позднее, чем через три дня. Получив эти разъяснения, Бодуэн удалился, не зная, что и подумать о своем приключении. По возвращении домой, Бодуэн спросил слугу, не приходил ли кто; когда слуга ответил отрицательно, Бодуэн с подсвечником в руке, поскольку уже темнело, направился к себе в комнату.

Он запер дверь и вдруг заметил у камина человека в зеленом; незнакомец сидел, отвернув лицо.

Бодуэн подходит ближе и наклоняет подсвечник; гость внезапно поднимает застывший взгляд, открывает грудь, пронзенную двадцатью ударами кинжала, и мрачным голосом произносит:

— Это я, Бодуэн, это я, твой Оливье, верный нашей клятве...

Услышав эти слова, Бодуэн вскрикивает и падает без чувств. Слуга спешит на шум и приводит его в себя. Бодуэн открывает глаза, снова видит Оливье и указывает на него слуге; слуга никого не видит. Бодуэн велит ему сесть в то же кресло, где сидит Оливье; слуга подчиняется, как если бы там никого не было, а тень остается на прежнем месте...

Оправившись наконец, Бодуэн отпустил слугу и подошел к Оливье.

— Прости, друг мой, — сказал он, — я не сумел совладать с испугом, вызванным твоим неожиданным и непредвиденным появлением.

Оливье, привстав, отвечал:

— Неужто забыл ты клятву дружбы или счел, что я невежливо вторгся к тебе? Нет, Бодуэн, эта священная клятва была подписана и скреплена на небесах, что и позволило мне исполнить ее. Меня больше нет, дорогой Бодуэн; ужасное преступление разорвало узы, соединявшие мою душу с телом. Пусть не страшит тебя мое присутствие. Днем и ночью, каждый час, в любой миг душа Оливье будет верной спутницей благородного Бодуэна. Она будет его наставницей, опорой и посредницей меж ним и Создателем. Но Господь, защищающий добродетель, не желает оставить злодеяние безнаказанным. Того, чьей жертвой я стал, должна постигнуть месть. Моя дымящаяся кровь поднялась вместе с душою к престолу Предвечного. Он скрепил нашу клятву и избрал тебя орудием мщения. Пойдем.

Бодуэн помолчал, ничего не отвечая. Бледность призрака, удивительная неподвижность его черт, застывший и мертвый взгляд, израненная грудь, замогильный голос — все в нем вызывало ужас, и молодой адвокат никак не мог взять себя в руки. Но, прочитав краткую молитву и тем самым убедившись, что призрак не был творением дьявола, Бодуэн решил последовать за ним и исполнить все его повеления.

По приказанию Оливье, Бодуэн запасся некоторыми деньгами, оплатил место в почтовой карете и в сопровождении слуги выехал в Кан. Слуга скакал за каретой на лошади, а призрак расположился внутри, оставаясь невидимым для всех, кроме Бодуэна.

Во время путешествия Оливье беседовал с другом, чьи самые тайные мысли теперь читал, как открытую книгу; он убеждал Бодуэна, что тот не грезит и поразительное видение умершего ему не мерещится, ободрял его и просил видеть в себе преданного и надежного защитника. Мало-помалу Оливье удалось рассеять первоначальный ужас друга.

По прибытии в Кан Бодуэна с превеликой радостью встретили родные, давно гордившиеся его талантами; а так как время было довольно позднее, разговоры и вопросы отложили до завтра; Бодуэн удалился к себе в комнату, и Оливье посоветовал ему лечь в постель, говоря, что воспользуется его сном и расскажет о заговоре, жертвой которого он сделался. Бодуэн уснул, и вот что поведала ему во сне душа Оливье:

— Ты знал до отъезда прекрасную Аполлину де Лалонд, которой было тогда всего четырнадцать лет. Мы оба были влюблены в нее; но ты, видя, как сильно я люблю Аполлину, усмирил свою любовь и, ни слова не говоря о собственных чувствах, уехал, превыше всего ставя нашу дружбу. Шли годы; я был любим и надеялся стать счастливым мужем Аполлины. Однако вчера, накануне отъезда в Париж, меня убил Лалонд, недостойный брат Аполлины, действуя совместно с гнусным Пьетревиллем, претендовавшим на ее руку. Чудовища эти пригласили меня на маленькую пирушку в Коломбелле, а затем предложили проводить. Мы отправились, и меня больше нет среди живых. В тот миг, когда ты увидел меня на дороге, негодяи жестоко умерщвляли твоего Оливье. Дабы отомстить за меня, ты должен сделать следующее. Завтра навести моих родителей, а после родителей Аполлины; пригласи их отпраздновать твое возвращение. Местом будет Коломбелль, время назначь на послезавтра и изображай на празднике величайшую веселость. Остальное я сообщу тебе позднее.

Тень умолкла. Бодуэн спокойно проспал до утра и после принялся исполнять замысел Оливье. Все приняли приглашение и отправились в Коломбелль. Гостей было около тридцати. Обед был восхитителен, все веселились, особенно же Пьетревилль и Лалонд. Только Бодуэн испытывал тревогу,

не получая никаких указаний от тени, все время остававшейся видимой.

За десертом Лалонд поднялся и попросил тишины; он сказал, что хочет прочитать письмо, которое Оливье вручил ему в присутствии Пьетревилля со строгим наказом распечатать по прошествии трех дней и лишь на глазах у свидетелей. Письмо гласило:

«В минуту прощания, когда я, возможно, навсегда покидаю родные края, мне необходимо открыть вам, дорогой Лалонд, истинную причину моего отъезда. Я был бы счастлив назвать вас своим братом, однако несколько дней назад я завоевал сердце молодой особы, к коей испытываю непреодолимое влечение; я присоединюсь к ней в Париже и последую за нею туда, куда поведет нас любовь. Извинись за меня перед сестрой, которой я недостоин. Месть Аполлины — в ее руках: я заметил, что Пьетревилль влюблен в нее; он заслуживает ее больше, чем я.

Оливье».

Все молчали, пока он читал. Бодуэн увидел, как Оливье затрясся от гнева. Письмо стали передавать из рук в руки; все узнали почерк и подпись Оливье. Бодуэн и сам хотел в этом убедиться, но что-то вырвало письмо у него из рук. Бумага, трепеща в воздухе, полетела в сад... Оливье знаком велел Бодуэну следовать за ним, и тот побежал за тенью. За ними последовала вся компания; письмо нашли под большим деревом в приличном отдалении от места пикника. Сад переходил здесь в густой лес; рядом виднелась груда камней. Бодуэн схватил письмо и воскликнул:

— Что означает эта тайна? Давайте попробуем проникнуть в нее; уберем камни и поглядим, что они скрывают.

Лалонд и Пьетревилль рассмеялись и сказали прочим гостям, что им не стоит беспокоиться о листке бумаги, подхваченном ветром. Бодуэн настаивал; он силой остановил двух негодяев, пытавшихся скрыться, и подвел их к дереву. Там он попросил нескольких молодых людей помочь ему и по-

сторожить злодеев, а сам разбросал камни. Под ними обнаружилась свежевскопанная земля. Все удивлялись и разделяли нетерпение Бодуэна; побежали за лопатами; Лалонда и Пьетревилля держали за руки, а они тем временем вырывались и осыпали Бодуэна проклятиями. Землю разрыли и нашли труп Оливье, облаченный в зеленый плащ; на груди убитого разглядели двадцать колотых ран. Все застыли от ужаса; отец Оливье упал в обморок, а Бодуэн вскричал:

— Вот преступление, и вот убийцы. Помогите несчастному отцу! Отнесем труп к судье, а Лалонда и Пьетревилля пусть немедленно отведут в тюрьму.

Все, о чем просил Бодуэн, было сделано; судья открыл дело, и на следующий день начался суд. Предварительные формальности были вскоре завершены; настал день допроса. Собрались судейские, привели обвинителя и обвиняемых, но свидетелей не было — лишь труп бедного Оливье лежал на столе посреди зала суда в том виде, в каком его выкопали из земли. Начался допрос. Бодуэн твердо повторил свое обвинение; но двое убийц, уверенные в том, что у него не имеется ни доказательств, ни свидетелей их злодеяния, дерзко отрицали содеянное. В свою очередь, они обвинили Бодуэна в клевете и просили сурово его наказать.

Необычайная картина! Громадная толпа, набившаяся в зал, внимает каждому слову дебатов. Президент суда требует от Бодуэна предоставить свидетелей и улики; Бодуэн вновь берет слово, поминает тень Оливье, указывает на окровавленный труп, надеясь, что тот повергнет злодеев в дрожь; но в отсутствие свидетельских показаний, понимает он, только чудо способно указать судьям истину. И потому он с убежденностью обращается к высшему существу и молит Бога дозволить смерти на мгновение отказаться от своих прав.

— Господь Всемогущий! — восклицает он. — Оживи на краткий миг Оливье, вдохни слова в его уста!

Глубокое молчание встречает этот странный призыв; все глаза обращены на труп; и каждый, верящий или не верящий в чудеса, ждет последствий сего необыкновенного

средства. Обвиняемые побледнели и замерли, несколько утратив присутствие духа. Один Бодуэн кажется спокойным и невозмутимым. И вдруг, о чудо! на бледное, зеленоватое лицо Оливье набегают румянец, его губы начинают двигаться, глаза открываются, кровь согревается и струями окатывает двух убийц, а те, залитые кровью страшного обвинителя, корчатся в ужасных конвульсиях и впадают в оцепенение. Но вот труп Оливье полностью оживает; он встает и смотрит на собравшихся, как человек, очнувшийся от глубокого сна и пытающийся понять, где находится. Он встречается глазами с Бодуэном и грустно улыбается, а затем, обратив взор на преступников, яростно дергается, и долгий стон вырывается из его израненной груди. Наконец он начинает говорить и звучным голосом объявляет, что Господь позволил ему разоблачить виновных; он рассказывает об их заговоре и о том, как злодеи тщетно пытались заставить его подписать лживое письмо, а после убили его. Он в подробностях описывает их преступление, он поясняет, как давал наставления Бодуэну и как с его помощью изобличил своих убийц.

— Есть и другие свидетельства, — говорит он, протягивая руку к судьям. — Видите в моей изуродованной руке клок волос? Это волосы варвара Лалонда. Когда я был при смерти и эти два хищных зверя подтащили меня к дереву, под которым хотели закопать мой труп, жизненная сила в последний раз пробудилась во мне, и я одной рукой схватил Лалонда за волосы, другой же сжал руку Пьетревилля, и мои пальцы погрузились так глубоко, что на руке негодяя все еще видна ужасная отметина. Лалонд, видя, что ничто не может заставить меня отпустить его волосы, попросил своего приятеля отрезать их имевшимися у того ножницами. Не удовольствовавшись зверским убийством, злоумышленники обшарили мои карманы и забрали все деньги и четыре медали; у каждого сейчас при себе две из них.

Я сказал все, господа судьи и сограждане. Смерть вновь требует свою добычу; природа не терпит долгого нарушения порядка вещей. Мое тело обратится в прах, а душа отлетит в назначенное ей место.

Оливье произнес эти последние слова слабым и утомленным голосом; тело его вмиг увяло, кровь сбежала с лица, взгляд потух, и он возвратился в состояние смерти, из которого его недавно вырвала могущественная рука. Собравшиеся в зале суда онемели, молча содрогаясь при виде подобного чуда; но вскоре возмущенные крики нарушили мрачное молчание. Все улики, указанные Оливье, были проверены и найдены истинными. Злодеи были приговорены к смертной казни; их потащили на эшафот, где они испустили дух среди проклятий толпы.

Отмщенный Оливье вновь показался Бодуэну в виде воздушного создания, какими мы представляем ангелов света. Он уговорил друга жениться на очаровательной Аполлине, и мститель охотно стал преемником Оливье. Отец Аполлины умер от горя после того, как сына его позорно казнили; смерть отца позволила дочери вступить в брак по своему выбору, и вдобавок остальные родственники с готовностью склоняли ее принять предложение Бодуэна. Молодые супруги поселились в Париже; союз их был счастливым, и Оливье, по-прежнему остававшийся видимым Бодуэну, до самой смерти служил своему другу наставником и покровителем.

ДУХИ, ПОДНИМАЮЩИЕ БУРЮ

Князь Радзивилл рассказывает в своем *Путешествии в Иерусалим* о весьма необычном явлении, свидетелем которого он был.

Он приобрел в Египте две *мумии*, одну мужскую, а другую женскую, и спрятал их в ящики; те ящики он погрузил на корабль, отплывая из Александрии в Европу. Об этом знали только он и двое его слуг, поскольку турки едва ли позволили бы вывезти мумии, считая, что христиане используют их для магических ритуалов. Стоило им выйти в море, как поднялась буря, налетавшая порывами с такой силой, что капитан отчаялся спасти судно. Все ждали скорого и неизбежного конца. Добрый польский священник, сопровождавший князя Радзивилла, читал подходящие к случаю молитвы; князь и его свита вторили. Но затем священник призвался, что его терзают два призрака (мужской и женский), каковые преследуют его и грозятся убить. Сперва решили, что страх и опасность крушения расстроили его воображение. На море воцарилось спокойствие, успокоился и святой отец; и однако, буря вскоре возобновилась. Призраки мучили священника все сильнее, и он не знал покоя, пока обе мумии не были выброшены в море, что в то же время остановило и бурю.

ПРИЗРАК ЗАМКА ЭГМОНТ

Анекдот

В *Сегрезуане* можно прочесть следующий анекдот:

Господин Патрис отправился с господином Гастоном во Фландрию; они остановились в замке Эгмонт. Наступил час обеда, Патрис вышел из комнаты, собираясь спуститься в зал, и остановился у двери своего друга-офицера, так как хотел позвать его с собой. Он громко постучался. Офицер не ответил, и Патрис постучался вторично, зовя его по имени. Офицер снова не ответил. Патрис не сомневался, что тот в комнате, поскольку ключ торчал в замке; он открыл дверь, вошел и увидел, что друг его в прострации сидит за столом.

Он подошел совсем близко и спросил, в чем дело.

Офицер повернулся к своему другу и ответил:

— Вы были бы ничуть не менее удивлены, если бы увидели, как эта книга передвигается с места на место, а страницы сами собой переворачиваются.

То была книга Кардано о тонкости сущностей.

— Да что вы! — сказал Патрис. — Вы обманываетесь; это игра воображения, вызванная прочитанным; вы сами встали с места и положили книгу туда, где она сейчас лежит, затем вернулись к столу и с удивлением увидели, что ее там нет, тогда как вы думали, что она на столе.

— О нет, — отвечал офицер, — я говорю истинную правду, и в доказательство, что это не иллюзия, добавлю: дверь открылась и снова закрылась, когда дух вышел...*

Патрис открыл упомянутую дверь, выходящую в длинную галерею, в конце которой стоял деревянный стул, такой тяжелый, что и двое мужчин его не подняли бы. Тут он увидел, что стул этот задвигался, покинул свое место и полетел к нему, точно его кто-то поддерживал в воздухе.

Патрис, несколько изумленный, воскликнул:

* Следовательно, этот дух был материален (*Прим. авт.*).

— Месье дьявол, за вычетом Божьего, я ваш покорный слуга! Но умоляю, больше меня так не пугайте!

Стул возвратился на место. Это приключение произвело на Патриса глубокое впечатление и немало способствовало тому, что он стал очень набожен.

ВАМПИР ХАРПП

Один человек, по имени Харпп, приказал жене похоронить его после смерти у кухонной двери, дабы видел он все, что творится в доме. Жена послушно исполнила приказание; и после смерти Харппа часто видели в окрестностях — он убивал батраков и так досаждал соседям, что никто не отваживался селиться поблизости.

Некий Олав Па нашел в себе смелость сразиться с призраком; он нанес ему сильнейший удар копьем и оставил оружие в ране. Призрак исчез; на следующий день Олав раскопал могилу мертвеца и нашел свое копье в теле Харппа, точно в том же месте, куда поразил привидение. Труп не разложился; его вытащили из гроба, сожгли, пепел выбросили в море и тем избавились от его появлений.

ИСТОРИЯ

О ЯВЛЕНИИ ПРИЗРАКОВ И ДЕМОНОВ В ГОДУ 1609

Один господин из Силезии пригласил нескольких друзей, устроив для них роскошный обед; но перед самым обедом те извинились, сказав, что не смогут прийти. Господин из Силезии, ожидавший приятного вечера, но оставшийся за обедом в одиночестве, был разочарован и вскричал в великой ярости:

— Поскольку никто не желает обедать со мной, пусть приходят в гости все демоны!

Произнеся такие слова, он вышел из дома и направился в церковь, где читал проповедь некий священник. И пока он слушал проповедь, во двор его дома въехали богато одетые всадники, черные, как арапы — и велели слуге сказать хозяину, что гости прибыли. Донельзя испуганный слуга бросился в церковь и уведомил о том своего господина. Тот в ошеломлении обратился к священнику, кончавшему проповедь. Святой отец без лишних рассуждений отправился к дому, куда явились черные всадники, и приказал вывести оттуда все семейство. Это было исполнено с такой поспешностью, что в доме остался младенец, спавший в колыбели. Адские гости тем временем начали переворачивать мебель, завывать и выглядывать из окон в облики медведей, волков, кошек и жутких уродцев; они держали в руках наполненные вином кубки, рыбу и куски отварного и жареного мяса.

Пока соседи, приходской священник и многочисленные слуги глядели на это зрелище, бедный хозяин дома воскликнул:

— Горе мне! Где мое несчастное дитя?

Последнее слово застряло у него в горле, когда один из черных людей поднес младенца к окну.

— Друг мой, что мне делать? — в отчаянии обратился

отец к одному из самых преданных слуг.

— Господин мой, — отвечал слуга, — я вручу свою жизнь Господу, и во имя Его войду в сей дом, и с Его помощью и благословением спасу ребенка.

— В добрый час, — сказал хозяин, — да пребудет с тобой Господь, да поможет Он тебе и укрепит твои силы.

Слуга, получив благословения хозяина, приходского священника и всех собравшихся, вошел в дом и, воззвав к Господу, открыл дверь зала, где собрались темные гости. И все эти ужасающего вида чудовища, из которых одни стояли, другие сидели за столом, а третьи ползали по полу, кинулись к нему и возопили:

— *Эй! Эй! Ты что здесь делаешь?*

Слуга, побледневший от страха, но тем не менее непоколебимый в своей вере, обратился к злодею, державшему младенца, и сказал:

— Отдай мне ребенка.

— Нет, — отвечал тот, — он мой; иди и скажи своему хозяину, пускай придет и возьмет его.

Но слуга настаивал:

— Я исполню свой долг! И потому именем Иисуса Христа заклинаю тебя отдать мне это дитя, которое я должен возвратить отцу.

Сказав так, слуга выхватил у демона ребенка и крепко сжал его в руках, а черные гости разразились страшными криками и угрозами:

— Ах, проходимец! ах, мерзавец! Брось младенца, иначе мы разорвем тебя на куски!

Но верный слуга, не обращая внимания на их гнев, вышел в целости и сохранности и положил ребенка на руки отца. Несколько дней спустя адские гости исчезли, и господин из Силезии, сделавшийся мудрым и добрым христианином, возвратился в свой дом.

О ТОМ, КАК ПРИЗРАКИ ОТПРАВИЛИСЬ В ПАЛОМНИЧЕСТВО

Пьер д'Энгельберт (ставший позднее клюнийским монахом), отправил своего человека по имени Санчо к королю Арагонскому, повелев служить королю на войне; по истечении нескольких лет человек этот вернулся к своему хозяину в добром здравии, но вскоре после возвращения заболел и умер.

Однажды вечером, четыре месяца спустя, когда Пьер д'Энгельберт лежал в кровати, а в окно лился яркий свет луны, в спальню хозяина вошел Санчо, одетый в тряпье. Он подошел к камину и принялся разводить огонь, будто пытаясь согреться или получше осветить спальню. Пьер проснулся, увидел темную фигуру и спросил, кто пришел.

— Я Санчо, твой слуга, — отвечал призрак хриплым и прерывистым голосом.

— Что привело тебя сюда?

— Я направляюсь в Кастилию, и со мною много других солдат, дабы искупить зло, что мы причинили во время последней войны, и в тех самых краях, где мы творили злое. Что до меня, то я ограбил одну церковь, украл церковные украшения и теперь обречен совершить паломничество туда. Твои добрые дела немало мне помогут; и я буду безгранично благодарен, если твоя жена, задолжавшая мне из жалованья восемь су, отдаст их от моего имени бедным.

— Раз уж возвратился ты из загробного мира, расскажи мне о Пьере Дефе, каковой давно уже умер.

— Он спасен.

— А Бернье, наш согражданин?

— Этот проклят, ибо злоупотреблял должностью судьи и отнимал последнее у вдов и сирот.

— А что же Альфонс, король Арагонский, умерший два года назад?

Тогда заговорил другой призрак, сидевший на подоконнике и только сейчас замеченный Пьером д'Энгельбертом:

— Не спрашивай его о короле Альфонсе, ибо он недавно с нами и не успел еще узнать. Однако я мертв уже пять лет и могу поведать тебе кое-что о короле. Альфонс некоторое время оставался с нами, но *монахи из Ключи вызволили его*, и я не знаю, где он сейчас.

Затем призрак поднялся и обратился к Санчо:

— Пойдем, пора уходить; последуем за нашими спутниками.

Санчо повторил свои просьбы, и два призрака покинули спальню.

После их ухода Пьер д'Энгельберт разбудил жену; хотя она и лежала рядом с ним, но ничего не видела и не слышала. Она призналась, что задолжала Санчо восемь су, и это доказывало правдивость слов призрака. Супруги исполнили все просьбы покойного: они щедро одаривали бедняков, заказывали заупокойные мессы и много молились о спасении души несчастного Санчо, который более не возвращался.

ИСТОРИЯ О ПРОКЛЯТОЙ, ВОССТАВШЕЙ ИЗ МЕРТВЫХ

В деревне Перью внезапно умерла шестнадцатилетняя девушка по имени Катерина, повинная во многих грехах и святотатственных деяниях. Стоило ей умереть, как тело ее начало испускать такое зловоние, что его невозможно было оставить в доме; пришлось вынести труп наружу, дабы избавиться от неприятного запаха.

Тотчас раздались звуки, похожие на вой стаи собак. Лошадь, обыкновенно очень смирная, стала биться в стойле и топтать копытами, и попыталась оборвать веревку, которой была привязана, как если бы кто-то мучил ее и яростно колотил.

Немного спустя молодой работник, который прилег отдохнуть, почувствовал, как его кто-то с силой потянул за руку, а затем он был сброшен с кровати на пол. В тот же день служанка ощутила удар в плечо, нанесенный невидимой рукой, и после нескольких недель ходила с синяками.

Все эти нападения приписали злобе покойной Катерины; ее поспешили похоронить, надеясь, что она никогда не восстанет из мертвых. Но через несколько дней послышался громкий треск черепицы и ломающихся кирпичей; при свете дня привидение незримо проникло в комнату, где находилась хозяйка и прочие домочадцы. Призрак схватил за ногу служанку, которую ранее ударил, и стал на глазах у всех волочить ее по комнате, причем никто из собравшихся не видел, кто же так издевался над бедняжкой.

Несчастливая девушка, сделавшаяся, по всему судя, излюбленной жертвой покойницы, пошла на следующий день в верхнюю комнату за кое-какой одеждой и столкнулась лицом к лицу с Катериной; последняя, поднявшись на цыпочки, тянулась к стоявшему на полке горшку. Девушка бросилась бежать, но привидение схватило горшок, погналось за ней и с силой швырнуло в нее свой снаряд. Хозяйка услышала шум, поспешила наверх, увидела дрожавшую от стра-

ха служанку, разбившийся на тысячи осколков горшок — и была в свою очередь вознаграждена обломком кирпича, к счастью, не причинившим ей вреда.

День спустя, собравшись вместе, домочадцы заметили, что распятие, надежно прикрепленное к стене, было сорвано и разломано на три части. Решено было изгнать призрак, однако тот долго еще продолжал свои злобные выходки и избавиться от него оказалось весьма трудно.

ДЬЯВОЛЬСКОЕ СОКРОВИЩЕ

Черная сказка

У двух мальтийских рыцарей был раб, хвалившийся, что он владеет тайными заклинаниями, позволявшими ему вызывать демонов и заставлять их указывать сокрытые клады. Хозяева отвели его в старинный замок, где, как считалось, было спрятано сокровище.

Раб остался в одиночестве, стал произносить заклинания и наконец демон отверз скалу и достал сундук. Раб потянулся было к сокровищу, но сундук тут же исчез в скале. Так повторялось снова и снова; и раб, устав от тщетных стараний, пошел и рассказал рыцарям о том, что с ним случилось; он так утомился, что попросил вина, дабы подкрепить свои силы, а затем возвратился к месту, где хранилось сокровище.

Спустя некоторое время послышался шум; рыцари спустились в подземелье и нашли раба мертвым. Все его тело было изодрано, словно его изгрызли собаки, и со сложенными ногами и раскинутыми руками являло собой крест. Он был так изранен, что к телу невозможно было прикоснуться, не задев рану. Рыцари отнесли мертвого раба на берег моря и сбросили его в воду с большим камнем на шее, чтобы никто не узнал об их злосчастном приключении.

ИСТОРИЯ О ПРИЗРАКЕ, ЯВИВШЕМСЯ В ДУРДЕНЕ

Господин Види, сборщик налогов в Дурдене, изложил в письме к одному из друзей историю доспримечательного призрака, который появился у него в доме в 1700 году. Господин Барре, аудитор, сохранил письмо, а Ленгле-Дюфреснуа опубликовал его в своем *Собрании известий о призраках*.

Письмо гласит:

«Дух начал издавать шум в комнате неподалеку от той, где лежала больная служанка. Порой она слышала рядом как бы страдальческие вздохи, однако ничего не видела и не чувствовала.

К несчастью, как сказано, она была больна. В таком состоянии она пролежала шесть месяцев, а когда оправилась, мы отослали ее к отцу, чтобы она подышала воздухом родных мест; она оставалась там около месяца и в течение этого времени не испытывала и не слышала ничего необычного. Возвратилась она в добром здравии и спала в комнате рядом с нашей спальней. Она стала жаловаться, что слышит некий шум, а два дня спустя, когда она спустилась за дровами, кто-то потянул ее за юбку. В тот же день, после обеда, жена велела ей исповедаться; выходя из церкви, служанка почувствовала, что не может сдвинуться с места — так сильно тянул ее призрак. Час спустя она вернулась домой и, когда входила к нам, что-то толкнуло ее; жена услышала шум, а когда служанка вошла, мы заметили, что крючки на ее юбке оборваны. Жена моя задрожала от страха при виде этого чуда.

На следующее воскресенье служанка легла спать и сейчас же услышала в комнате шаги; через некоторое время дух лег рядом с ней и провел ледяной рукой по ее лицу, будто лаская. Девушка достала из кармана четки и положила их на горло. За несколько дней до того мы сказали ей, что если она вновь услышит шум, ей следует заклисть призрак

именем Бога и потребовать объяснений его присутствия. Она сделала мысленно, так как страх лишил ее речи; в ответ раздалось нечленораздельное бормотание. В три или четыре часа утра дух поднял такой шум, что могло показаться, будто рушится весь дом. Мы также проснулись от этого шума. Я позвал служанку, думая, что это она мечется от страха. Она была вся в поту. Она хотела одеться, но не могла найти свои чулки; в таком виде она вбежала в нашу спальню. За нею следовало нечто, подобное густому облаку дыма и исчезнувшее мгновение спустя. Мы посоветовали служанке умыться и одеться и, как только пробьют к утренней молитве, пойти в церковь, исповедаться и причаститься. Она принялась вновь искать свои чулки и наконец нашла один между кроватью и стеной; второй же зацепился за верхний край висевшего на стене ковра, и служанке пришлось доставать его с помощью длинной палки. Дух также выбросил из окна ее обувь.

Придя немного в себя, она отправилась в церковь, где исповедалась и причастилась. По ее возвращении я спросил, что она видела. Она сказала, что стоило ей подойти к святому алтарю, как она увидела рядом с собой свою мать, умершую одиннадцать лет назад. После причастия служанка удалилась в часовню, но не успела войти, как перед нею появилась мать, опустилась на колени, взяла ее за руки и промолвила:

— Дочь моя, не бойся; я твоя мать. Брат твой случайно погиб от огня, когда я возилась у печи; было это в Уазонвилле, близ Эстампа. Я бросилась искать кюре, господина де Гарансье, человека святой жизни, и просила наложить на меня епитимью, так как считала себя виновной в несчастье. Кюре ответил, что я не виновата, и послал меня в Шартр к исповеднику. Я нашла его и продолжала требовать наказания, и он повелел мне два года носить пояс из конского волоса, что я исполнить не могла, часто будучи в положении и страдая другими недугами; и поскольку я умерла, не исполнив наказ, не согласишься ли ты, дочь моя, понести за меня епитимью?

Девушка пообещала ей это. Тогда мать велела ей поститься на хлебе и воде четыре пятницы и субботы, заказать мессу в Оммервилле и выплатить торговцу Ланье двадцать шесть су, которые она задолжала ему за нитки. Также она велела дочери спуститься в подвал дома, где умерла.

— Ты найдешь там, — добавила она, — семь ливров, что я спрятала под третьей ступенькой. Поезжай в Шартр, в добрый собор Нотр-Дам, и помолись там за меня. Я еще вернусь к тебе.

Она дала дочери еще много наказов и особенно велела молиться Пресвятой Богородице, ибо Господь ни в чем той не откажет; и еще она сказала, что епитимьи нашего мира снести легко, но кары мира иного тяжки.

На следующий день служанка заказала мессу, во время которой дух теребил ее четки. Весь день призрак матери держал ее за руку, как бы утешая ее, и еще два дня оставался рядом с нею.

Я счел, что служанке необходимо исполнить наказ матери, и при первой возможности отпустил ее в Оммервилль; там она позаботилась о мессе, выплатила долг в двадцать шесть су, каковые мать и впрямь задолжала, и нашла в подвале под третьей ступенькой указанные духом семь ливров. Затем она отправилась в Шартр, заказала три службы, исповедалась и причастилась в нижней капелле.

Когда она вышла, мать показалась ей в последний раз и сказала:

— Дочь моя, поскольку ты исполнила все, о чем я тебя просила, я ухожу и буду молиться о тебе в небесах. Прощай! Меня ждет вечное блаженство.

С тех пор девушка больше не видела и не слышала духа. Сейчас она днем и ночью носит власяницу в виде пояса из конского волоса, что продлится два года, как и просила ее мать».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТИБО ДЕ ЛА ЖАКЬЕРА

Маленькая повесть

Богатый купец из Лиона, Жак де ла Жакьер, славился честностью и сумел озолотиться, не замарав свое имя; назначенный прево своего города, он щедро жертвовал на бедных и оказывал благодеяния всем.

Его сын, Тибо де ла Жакьер, был испечен из другого теста. Это был привлекательный юноша с дурным характером; он служил знаменосцем в королевской гвардии и рано научился буянить и бить стекла, соблазнять девиц и ругаться, как сам дьявол. В Париже, в Фонтенбло и в других королевских резиденциях только и разговоров было, что о беспутствах Тибо. Наконец король, а был это Франциск I, возмущенный неприглядным поведением молодого Тибо, отослал его обратно в Лион, дабы он исправился, проживя в отцовском доме. Добрый прево жил тогда на углу площади Белькур. Тибо встретили в родном доме с превеликой радостью и по случаю его прибытия устроили пир, на который позвали всех родственников и друзей. Все пили за здоровье Тибо и желали ему стать благочестивым и рассудительным христианином. Но эти сердечные пожелания рассердили Тибо; он наполнил вином золотой кубок и воскликнул:

— Дьявол меня заberi! Осушая этот кубок, клянусь отдать ему свою кровь и душу, если когда-нибудь изменюсь!

При этих ужасных словах волосы у гостей встали дыбом. Одни сотворили крестное знамение, другие вскочили из-за стола. Тибо также поднялся и вышел проветриться на площадь Белькур, где нашел двух старых приятелей, таких же порочных, как и он сам. Он обнял и расцеловал их, повел в дом отца и начал пить с ними.

Тибо продолжал вести прежнюю беспутную жизнь, разбивая отцовское сердце. Добрый прево воззвал к святому Иакову, своему патрону, и решил поставить у его алтаря свечу стоимостью в десять ливров, украшенную двумя золотыми

кольцами весом в пять марок каждое; но, приблизившись к алтарю, прево уронил свечу и опрокинул горевшую перед образом серебряную лампу. Он усмотрел в этих событиях дурное предзнаменование и в печали возвратился домой.

В тот день Тибо вновь развлекал своих друзей. Когда наступил вечер, они вышли прогуляться на площадь Белькур, а затем стали рыскать по улицам, надеясь на удачу. Вокруг было очень темно, и они не повстречали ни единой девушки или женщины. Тогда Тибо, наскучив одиночеством, громко вскричал:

— Дьявол меня заberi! Клянусь кровью и душой — если появится здесь сама великая дьяволица, дочь Сатаны, я буду молить ее о любви, так разогрело меня вино!

Его речи не понравились друзьям, оказавшимся не столь закоренелыми грешниками, и один из них промолвил:

— Друг мой, вспомни о том, что дьявол — враг рода человеческого; он и без приглашения творит людям достаточно зла, и не к чему его призывать.

Но неисправимый Тибо отвечал:

— Как сказал, так и сделаю.

Миг спустя они увидели, как из соседней улицы вышла молодая дама, закутанная в покрывало, под которым угадывалось все очарование юности. За нею следовал арапчонок. Последний споткнулся, упал ничком и разбил свой фонарь. Молодая дама от испуга растерялась; Тибо подскочил к ней и учтиво предложил ей руку, говоря, что проводит ее до дома. Незнакомка согласилась, а Тибо, пройдя несколько шагов, обернулся к друзьям и тихо сказал:

— Как видите, тот, кого я призывал, недолго заставил себя ждать; что ж, доброй вам ночи.

Друзья поняли его намек и со смехом удалились.

Красавица оперлась на руку Тибо; арапчонок шел перед ними с потухшим фонарем. Сперва молодая дама казалась такой встревоженной, что с трудом могла идти; но мало-помалу она обрела уверенность и стала смелее опираться на руку своего кавалера, а порой, спотыкаясь в темноте, даже сжимала ее; Тибо же, поддерживая ее, иногда прижимал

ее руку к сердцу, но проделывал это с всемерной осторожностью, не желая ее испугать.

Они шли так долго, что Тибо начало чудиться, будто они потеряли дорогу в лабиринте улочек Лиона; тем не менее, он был рад возможности провести больше времени в обществе заблудившейся красавицы. Ему хотелось, однако, узнать ее поближе, да и молодая дама выглядела усталой; он предложил ей сесть на каменную скамью у ворот какого-то дома. Она согласилась; Тибо уселся рядом, галантно завладел ее ручкой и в самых учтивых выражениях попросил ее рассказать, кто она такая. Молодая дама сперва оробела, но вскоре набралась смелости и поведала следующее:

— Имя мое — Орландина; по крайней мере, так называли меня люди, жившие вместе со мной в замке Сомбр, что в Пиренеях. Там не было никого, кроме моей глухой дуэньи, служанки, которая так заикалась, что ее можно было считать немой, и старого слепого привратника.

Дела у привратника было немного: ворота он открывал лишь раз в год, когда в замке появлялся господин, который брал меня за подбородок и говорил с моей дуэньей на непонятном мне бискайском наречии. По счастью, я научилась говорить прежде, чем меня отослали в замок, иначе, в компании двух моих подруг по заточению, так и осталась бы бессловесной. Привратника я видела лишь в те краткие минуты, когда он подавал нам обед через решетку единственного окна. Правда, моя глухая дуэнья зачастую кричала мне в уши какие-то моральные наставления, но я едва понимала их, точно сама была глухой, ибо она толковала мне о супружеских обязанностях, не объясняя, в чем состоит супружество. Служанка-заика также часто пыталась рассказать мне какую-нибудь историю, по ее уверению, очень забавную, но никогда не могла продвинуться дальше первой фразы и потому останавливалась и уходила, бормоча извинения, которые давались ей с таким же трудом, как сама история.

Я уже говорила о господине, раз в год приезжавшем повидать меня. Когда мне исполнилось пятнадцать, этот господин посадил меня в карету вместе с моей дуэньей. Вышли мы оттуда на третий день или, вернее, на третью ночь,

так как было уже довольно темно. Какой-то незнакомец отворил дверцу кареты и сказал:

— Вы находитесь на площади Белькур; на углу дом прево Жака де ла Жакьера. Куда прикажете вас отвезти?

— Прикажете въехать в первые ворота за домом прево, — ответила моя дуэнья.

Тут Тибо насторожился, так как по соседству с ними в самом деле жил некий господин де Сомбр, слывший невероятным ревнивцем.

— Мы въехали в ворота, — продолжала Орландина. — Нас провели в просторные и богатые покои, а оттуда по витой лестнице в очень высокую башню, окна которой были затянуты толстым зеленым сукном. Башня была, однако, хорошо освещена. Дуэнья усадила меня в кресло и дала мне для развлечения мне свои четки, а сама вышла и заперла дверь на два оборота ключа.

Оставшись одна, я отбросила четки, взяла ножницы, висевшие у меня на поясе, и разрежала зеленую материю, закрывавшую окно. В соседнем доме я увидела другое окно, а сквозь него — ярко освещенную комнату, где пировали три кавалера и три молодые девушки. Они пели, пили, смеялись и целовали друг друга...

Орландина прибавила и другие подробности, а Тибо чуть не задохнулся от хохота, так как она описывала его позавчерашнюю пирушку с друзьями и тремя молодыми девицами из города.

— Я внимательно наблюдала за ними, — возобновила Орландина свой рассказ, — как вдруг услышала, что дверь отворяется. Я тут же схватилась за четки. Вошла моя дуэнья. Она взяла меня за руку и, ни слова не говоря, снова повела в карету. Ехали мы долго и остановились у последнего дома предместья. Дом тот казался всего-навсего хижинкой, но внутри все было обставлено весьма красиво, в чем ты сам убедишься, когда арапчонок укажет нам дорогу — ибо я вижу, что он нашел огниво и зажег фонарь.

— Скажи, будь добра, потерявшаяся красавица, — прервал Тибо, целую ручку молодой дамы, — одна ли ты живешь в этом домике?

— Совсем одна, — ответила дама, — с этим арапчонком и моей дуэньей. Но не думаю, что дуэнья сегодня вернется домой. Господин, приказавший отвезти нас в хижину, два часа назад велел нам встретиться с ним у одной из его сестер; но поскольку он послал карету за священником, нам пришлось идти пешком. На улице один прохожий остановил нас, восхищаясь моей красотой; глухая дуэнья подумала, что он сказал мне какую-то грубость, и принялась поносить его. В ссору стали вмешиваться и оказавшиеся рядом люди. Я испугалась и убежала; арапчонок побежал за мной, упал и уронил фонарь; тогда-то, месье, я к своему счастью встретила вас.

Тибо собрался было ответить любезностью, как вдруг появился арапчонок с зажженным фонарем. Они двинулись в путь и дошли до одинокой хижины в конце предместья; арапчонок отпер дверь ключом, висевшим у него на поясе. Убранство хижины отличалось изысканностью, и среди драгоценных предметов обстановки выделялись кресла, обитые гелуэзским бархатом с золотой бахромой, и кровать, крытая венецианским муаром. Но все это мало заинтересовало Тибо; он видел только прелестную Орландину.

Арапчонок приготовил ужин и накрыл на стол. Тибо заметил, что то был не ребенок, как ему показалось вначале, а старый черный карлик отвратительной наружности. Карлик принес на позолоченном блюде четырех аппетитных куропаток и бутылку превосходного вина. Тибо никогда не доводилось есть и пить ничего столь вкусного; по его жилам, казалось, заструился сверхъестественный огонь. Что же касается Орландины, то ела она немного, но все время посматривала на своего гостя, то бросая ему нежные и невинные взгляды, то всматриваясь в него такими лукавыми глазами, что молодой человек едва не терялся.

Наконец арапчонок пришел убирать со стола. Тогда Орландина взяла Тибо за руку и сказала:

— Как мы будем проводить вечер, прекрасный кавалер?.. Мне пришла в голову одна мысль: вон большое зеркало, давай смотреться в него, как я делала в замке Сомбр. Меня

тогда очень забавляло, что дуэнья сложена иначе, чем я; а теперь хочется посмотреть, чем я отличаюсь от тебя.

Орландина поставила перед зеркалом два кресла, после чего расстегнула камзол Тибо и сказала:

— Шея у тебя, как моя, плечи тоже, — но грудь до чего непохожа! Год назад и моя была такой, но теперь она так выросла, что я ее прямо не узнаю. Сними же свой пояс... сбрось камзол... а для чего эти шнурки?

Тибо, совсем потеряв голову, понес Орландину на кровать, крытую венецианским муаром, и уже почитал себя счастливейшим из смертных. Но счастье длилось недолго... Незадачливый Тибо внезапно почувствовал, как в его чресла впились острые когти...

— Орландина! — воскликнул он.

Орландина исчезла. Вместо нее он сжимал в объятиях ужасное скопище жутких и невообразимых форм.

— Я не Орландина! — вскричало чудовище страшным голосом. — Я — *Вельзевул!*..

Тибо хотел было воззвать к Спасителю, но дьявол, угадав его намерение, схватил его зубами за горло и не позволил произнести святое имя...

Утром крестьяне, которые везли свои овощи на базар в Лионе, услышали стоны, доносившиеся из заброшенной лачуги у дороги, которая служила местом свалки. Войдя туда, они увидели Тибо, распростертого на полуразложившейся туше... Крестьяне положили его в большую корзину и отвезли к лионскому прево. Бедный Жакьер узнал своего сына...

Тибо уложили в постель; вскоре он как будто стал приходить в себя. Затем он слабым голосом произнес:

— Откройте дверь этому святому отшельнику.

Сначала его никто не понял, но после двери открыли и увидели почтенного монаха. Тот вошел и попросил оставить его наедине с Тибо. Долго слышались увещания отшельника и вздохи несчастного молодого человека. Когда все стихло, дверь открыли. Отшельник исчез, а Тибо лежал на кровати мертвый с распятием в руках...

ПРИЗРАК, ТРЕБОВАВШИЙ МЕСТИ

Черная сказка

В тринадцатом веке герцог Бельмонте (в Монферрате) без памяти влюбился в дочь одного из своих крепостных. Звали ее Абелина. Он мечтал овладеть ею по праву господина, но ее не торопились выдавать замуж, и от этой медлительности бушевавшее в нем пламя лишь нетерпеливо разгоралось.

Однажды, будучи на охоте, он повстречал молодую Абелину, которая пасла отцовское стадо, и спросил, отчего ее никак не выдадут замуж. «Вы причина тому, милорд, — отвечала она. — Юноши более не могут выносить бесчестье и стыд, отдавая своих жен в первую брачную ночь, и родители наши не готовы играть свадьбы, пока право сеньора не будет отменено».

Владетель Бельмонте скрыл досаду и велел девушке сказать отцу, что желает его видеть.

Старый Чекко (так звали отца Абелины) поспешил в замок. Близится ночь, и Чекко, вопреки обыкновению, не возвращается. Бьет полночь; Чекко не возвращается; уж не мертвы ли он? В тот миг, когда жена и дочь начали терять надежду, посреди комнаты бесшумно появилась величественная тень. Испуганные женщины не осмеливались поднять глаза. Призрак приблизился и проговорил:

— Я дух вашего Чекко.

— О, отец мой! — вскричала Абелина. — Какой варвар отнял твою жизнь?

— Тиран Бельмонте только что убил меня, — отвечал призрак, — ты же была невинной причиной моей смерти. Я отправился, как и было приказано, в замок чудовища. Видят небеса, лучше бы я не нашел вход! Меня провели в темную комнату, и я ступил на потайной люк; люк открылся, и я упал в глубокий колодец с торчащими из стен и пола острыми лезвиями; вскоре я был мертв и миновал грозные врата

вечности. Я ожидаю своего приговора; судить меня будут по делам моим, но я полагаюсь на несказанное милосердие Божие, и совесть моя чиста. Если чтешь ты отца своего, если скорбишь о его смерти, о дочь моя! возжелай отомстить за меня и избавить страну от тирана. И ты, возлюбленная жена, осуши свои слезы и пребывай в мире. Грядут мирные дни, тирания падет...

Призрак засиял светом и исчез в облаке, не оставив никаких следов проявления, кроме отпечатка руки, которую он положил на спинку кресла.

Пророчество призрака исполнилось; спустя недолгое время крестьяне Бельмонте восстали, убили своего господина, разрушили деревню и, освободившись, основали небольшое селение Nice de la Paille.

КАРОЛИНА

Новелла

Молодая девушка восемнадцати лет, по имени Каролина, пробудила самую пылкую страсть в человеке зрелого возраста; и поскольку в пятьдесят мужчина, говорят, даже более сластолюбив, чем в двадцать, хоть и менее способен к любовным утехам, обветшалый амант упорно осаждал Каролину, каковая отнюдь не отвечала на его чувства. К несчастью, она совершила непростительную ошибку, насмехаясь и терзая этого человека, тогда как ей следовало лишь холодно и благородно осадить его. После трех лет настойчивой осады с одной стороны и презрительного равнодушия с другой, несчастный был сражен болезнью, повинна в которой во многом была его губительная любовь.

Чувствуя близость конца, он в качестве последней милости попросил Каролину принять его последнее прощание. Но молодая девица отказала ему в этой просьбе. Подруга, присутствовавшая при этом, стала мягко ее укорять, говоря, что ей ничего не стоит даровать это печальное утешение несчастному, умиравшему из-за нее и ради нее. Но все уговоры были напрасны. Вторично прислали за Каролиной; больной при этом добавил, что встреча важнее для девушки, чем для него. Однако и вторую просьбу постигла та же судьба.

Подруга Каролины, возмущенная такой жестокостью по отношению к умирающему, принялась уговаривать ее с большей живостью, укоряя ее за кокетство и дурное обращение с человеком, которому она могла по крайней мере подарить в искупление минуту жалости. Каролина, уставшая спорить, наконец довольно неохотно согласилась и сказала:

— Ну хорошо, отведи меня к своему протезе; но предупреждаю, пробудем мы там совсем недолго: мне не нравятся ни мертвые, ни умирающие.

Подруги отправились к больному. При виде Каролины умирающий, собрав последние силы, промолвил гаснущим

голосом:

— Время упущено, мадмуазель... Вы жестоко отказали мне в счастье увидеть вас, когда я молил вас об этом, и я не желаю прощать вас перед смертью. Отныне вы будете лицезреть меня много чаще, чем раньше. Помните лишь, что вы три года безжалостно сводили меня в могилу... Прощайте, мадмуазель. Ждите меня этой же ночью.

Договорив с немалым трудом, он испустил дух.

Каролина, охваченная ужасом, поспешно бросилась бежать; подруга всеми средствами пыталась ее успокоить. Каролина упросила ее остаться на ночь. Ей постелили в спальне Каролины, зажгли свечи, и две подруги, будучи не в состоянии заснуть, долго разговаривали. Неожиданно, около полуночи, свечи сами собой погасли.

— Это он! Это он! — в страхе восклицает Каролина.

Ее подруга слышит одни сдавленные вздохи, а затем воцаряется глубокая тишина; подруга, оправившись, звонит вовсю, слуги и домашние мечутся по комнате, пытаясь зажечь свечи, но все тщетно. Спустя четверть часа, проведенных в смертном ужасе, бьют часы; Каролина громко вздыхает, словно только что очнувшись. Свечи загораются без посторонней помощи, все удаляются, и Каролина говорит умирающим голосом:

— Ах! наконец он ушел!

— Ты видела его?

— Да; и теперь я уверена, что он исполнит свою угрозу.

— Он говорил с тобой?

— Вот что он сказал мне: «На протяжении трех лет я буду являться каждую ночь и проводить с тобою четверть часа. В остальном не тревожься, я не причиню тебе вреда. Месть моя ограничится тем, что я заставлю тебя видеть каждую ночь человека, которого ты свела в могилу своим жестокосердным поведением».

Подруга, не желая видеть повторение этой сцены, отказалась впредь ночевать в доме Каролины; напрасно та жаловалась, что подруга оставляет ее на милость вампира.

Ночные визиты тем временем продолжались. Каролина была красива, богата и могла свободно выбирать себе мужа.

В двадцать один год она решила выйти замуж, надеясь тем самым изгнать призрак; но слухи о его посещениях отпугивали от нее всех поклонников. Только один гасконец, местье де Форбиньяк, оказался достаточно тверд. Не видя иного выхода, Каролина согласилась на его предложение руки и сердца, но на следующий день после свадьбы (нам не ведомо, как прошла ночь) он скрылся со всем приданым и некоторым количеством драгоценностей, к приданому не относившихся.

Подруга Каролины, сочувствуя ее несчастьям, прибежала к ней, утешила ее, как могла, и увезла ее в дальний край, где Каролина стала в печали избывать свое наказание. По прошествии трех лет вампир сказал, что больше она его не увидит; он сдержал слово. Подобный суровый урок смягчает характер. Смерть господина де Форбиньяка, каковому достало порядочности не возвращаться, позволила Каролине вновь выйти замуж, и на сей раз она нашла мужа, с которым была совершенно счастлива.

О ТОМ, КАК ПРИЗРАК НАСТАВИЛ ФЛАКСБИНДЕРА НА ПУТЬ ИСТИННЫЙ ⁽¹⁾

Господин Ганов, знаменитый профессор и библиотекарь из Данцига, пылко опровергал истинность предрассудков и суеверий древнейших и современных народов касательно привидений и возвращения душ; и однако он с большой серьезностью рассказывает о следующем удивительном приключении, случившемся со знакомым ему молодым человеком, неким Флаксбиндером.

Сей молодой человек, знавший в жизни одни излишества и разврат, отсутствовал как-то вечером дома; мать, войдя в его комнату, увидала призрак, столь напоминавший лицом и фигурой Флаксбиндера, что она приняла его за сына. Призрак этот сидел за столом, заваленным книгами, и то читал, то погружался в раздумья.

Добросердечная мать, убежденная, что видит сына, была приятно удивлена и немало обрадовалась сей неожиданной перемене; как вдруг она услышала внизу, на улице, голос того самого Флаксбиндера, который сидел перед нею в комнате...

Сперва она ужасно испугалась; но видя, что тот, кто играл роль ее сына, не отвечал, выглядел мрачным и безмолвным и глядел запавшими глазами, она заключила, что это призрак; такое умозаключение лишь удвоило ее ужас, и она поспешила открыть дверь настоящему Флаксбиндеру.

Молодой человек, возвращавшийся с буйной пирушки, с шумом входит в комнату... видит призрак... приближается... призрак не двигается с места. Флаксбиндер, пораженный этим зрелищем, весь дрожит и немедленно принимает решение отвернуться от порока, отказаться от дурных привычек и прилежно учиться: словом, он обещает во всем подражать призраку.

Едва он изложил сей достохвальный план, как призрак жутко ухмыльнулся, бросил книги и исчез. А Флаксбиндер сдержал слово, и с тех пор его было не узнать.

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИВИДЕНИЕ

Анекдот

Один благородный господин из Испании отправился на охоту в своих землях и очутился среди нескольких холмов, поросших лесом. Он считал, что был в лесу один, как вдруг с немалым удивлением услышал, что кто-то зовет его по имени; голос показался ему знакомым. Ответить он не поспешил, и зов прозвучал вторично. Ему почудилось, что он узнал голос своего недавно умершего отца. Невзирая на страх, он сделал несколько шагов вперед — и был несказанно поражен, увидев огромную пещеру или даже пропасть; длинная лестница спускалась до самого дна. На верхней ступеньке появился призрак его отца и сказал, что Господь позволил ему явиться сыну и поведать, что должно сделать для спасения его самого, и отца, говорившего с ним, и отца его отца, стоявшего несколькими ступенями ниже. Он сказал, что Божественное правосудие наказало их и удерживает здесь, пока определенное наследство, кое узурпировали их предки, не будет возвращено в один *монастырь*. И он молил сына поскорее исправить содеянное, дабы не навлечь на себя мщение небес, иначе и ему не избежать сей юдоли страданий.

Вслед за этими угрожающими словами лестница и призрак начали постепенно исчезать и отверстие пещеры закрылось. Господин, охваченный непреодолимым ужасом, тотчас возвратился домой; разум его был так смущен увиденным, что он и не искал объяснения открывшейся ему тайны. Он вернул монахам отнятое некогда добро, оставил все остальное сыну и удалился в монастырь, где провел остаток своих дней в благочестии...

ДЬЯВОЛ КАК ОН ЕСТЬ

Анекдот

Житель одной маленькой деревни, лежащей в нескольких лигах от Обюссона, что в департаменте Крёз, купил пресвитерский дом. Он заболел; немедленно пришел деревенский священник, дабы его исповедать, и предложил ему отпущение всех грехов при условии, что он по смерти завещает свой дом кюре. Он отказывается, кюре настаивает и грозит вечным проклятием; но, увы! несчастный упорствует, по-прежнему отказывается и умирает без покаяния; душа его, несомненно, обречена стать жертвой адского пламени. Распространяются слухи; все женщины встревожены и боятся сидеть с покойником, страшась, что за ним явится сам Сатана.

Однако местный жандарм, племянник усопшего, не обращая внимания на причитания женщин и угрозы кюре, решил провести ночь у тела своего дяди. В полночь (ибо именно в полночь дьявол выходит на прогулку), итак, ровно в полночь перед ним предстали три рогатых ангела, такие же уродливые, какими описал их Мильтон, и черные, как демоны — и подступили к телу с цепями и прочими дьявольскими атрибутами. Жандарм возражает; он размахивает саблей и отгоняет нападавших. Под его ударами они кажутся не фантазмами, но существами из плоти и крови. Рука одного из противников отрублена у запястья; тот равнодушно хватает мертвого другой рукой и тогда видит или, скорее, чувствует, как его голова присоединяется к руке. После такого ужасного удара двум его спутникам-демонам остается лишь искать спасения в бегстве, и жандарм, единственный владелец тела своего дяди и пресвитерского дома, принимает поздравления всех добрых хозяюшек, уже не чаявших застать его среди живых.

Рассудите же, сколь велики хитроумие и коварная злоба врага человеческого! Когда утро осветило сцену побоища, все

увидели, что нечестивый воспользовался для сей вылазки личиной кюре; но вот самое неприятное: ради поддержания данной иллюзии дьявол так хорошо спрятал бедного священника, что тот навсегда исчез из деревни⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Извлечения из газет за год X (*Прим. авт.*).

НОЧНОЕ ПИРШЕСТВО, ИЛИ ШАБАШ ВЕДЬМ

Я владел землей на границе Дордони и Гаронны, о чем до двадцати пяти лет и не ведал, и только неблагоприятное стечение обстоятельств заставило меня покинуть блестящие салоны столицы и устремить свои стопы в провинцию.

Не без удивления я узнал, что среди моих владений имелся виноградник, где время от времени, и непременно в полночь, показывались толпы духов, принимавших разнообразные обличия — мужчин, женщин, лошадей, козлов и так далее. Однажды вечером, когда я мирно предавался музицированию, я услышал отчаянный стук в дверь. Я приказал открыть; в дом вбежал до смерти напуганный крестьянин. Растрепанные волосы, блуждающий взор — словом, все в несчастном говорило о пережитом ужасе. Я предложил ему всемерную помощь, но он бредил и отвечал мне бессвязными словами:

— Они там... глядите... они приближаются... о, этот козел... эта кошка...

Я решил оставить его в покое и подождать, пока он не придет в себя. Как только я понял, что он в состоянии отвечать на мои вопросы, я принялся расспрашивать его о причинах подобного испуга.

— Ах, месье, — отвечал он, — я видел нечто столь ужасное, что до сих пор дрожу, вспоминая об этом...

Я навещал одного из кумовьев, мы пили и веселились, и выпили так много, что разошлись не ранее одиннадцати часов вечера. Я хотел было сделать большой крюк, дабы миновать дьявольский виноградник, однако вино вдохнуло в меня смелость, и я сказал себе: «Пусть хотя все обитатели ада соберутся там, я не испугаюсь». Я тотчас браво отправился в путь. Подойдя к высокой изгороди проклятого виноградника, я услышал громкие взрывы смеха; вид многолюдного собрания ужаснул меня, но стало еще страшнее,

когда изгородь внезапно исчезла. Передо мной была громадная равнина, освещенная по меньшей мере сотней тысяч свечей; все напоминало званый бал, в свете свечей кружились танцоры, а подальше мириады гостей сидели за столами и ужинали с завидным аппетитом. Я не знал, куда мне идти, куда повернуть; в этот миг ко мне подошли несколько человек, которые встали из-за столов, собираясь потанцевать.

— Чего тебе, друг? — обратились они ко мне. — Хочешь присоединиться к нам? Готов подписать пакт? погоди, скоро мы призовем дьявола, нашего господина!

Слова их встревожили меня, и я поспешил ответить:

— Нет, господа, я добрый христианин и не желаю предаваться Сатане.

— Ты ошибаешься. Все мы хорошие люди. Ты не пожалеешь, что присоединился к нам. Позабудь те глупости, что говорит кюре, и откажись от своей веры.

— Ах! Господи Боже, — вскричал я, сотворив крестное знамение, — приди мне на помощь!

Стоило мне произнести эти слова, как свечи погасли, загрохотал гром и пиршественные столы исчезли. Вспыхивали молнии, и я видел лишь стаи летучих мышей и неясных, кружившихся вокруг меня и испускавших жуткие крики; я едва мог вздохнуть, но тут услышал чей-то голос:

— Ничего не бойся, христианин! Всему аду не одолеть тебя!

Голос тот вдохнул в меня силы, и я побежал прочь.

— Спору нет, ты пережил невероятное приключение, — сказал я крестьянину. — Я должен увидеть все своими глазами.

И действительно, некоторое время спустя, в пятницу, в ясную лунную ночь, я решил отправиться на шабаш. Мои желания исполнились: достигнув дьявольского виноградника, я оказался на великолепном пиршестве. Восхитительные женщины, изысканные модники, фейерверки, поединки, забавы, танцы — все сливалось в этом пестром и необычном зрелище.

Я в изумлении застыл, но тут ко мне подошла поразительной красоты дама в костюме Венеры.

— Будь нашим гостем, — сказала она. — Мы ждали тебя; без тебя праздник наш неполон. И в знак особой милости господин наш и повелитель, вопреки обычаю, предстанет перед тобой.

Вслед за тем меня подчеркнуто вежливо приветствовал очень любезный господин, сказавший:

— Ты попал на ассамблею ведьм и колдунов. Как видишь, они вовсе не страшны. Входи смело, никто не причинит тебе зла.

Я мгновенно очутился в громадном зале, где все дышало радостью и весельем. Вокруг разносили закуски и прохладительные напитки, но мне ничего не предложили.

— Догадываюсь, о чем ты думаешь, — заметил господин и повелитель. — Но прежде, чем ты разделишь нашу трапезу, я должен кое-что тебе объяснить.

Как я уже говорил тебе, все собравшиеся здесь — ведьмы или колдуны, и потому им дарована честь принадлежать мне. Если ты съешь хоть кусочек, выпьешь хоть глоток, ты также по праву станешь моим. Но мы не желаем никого неволить; доверие лежит в основе всех наших деяний. Теперь ты предупрежден. Если хочешь подписать договор, выбор за тобой; назови свои условия. Думаю, мы придем к согласию.

— Воистину, месье дьявол, — сказал я, — выглядите вы отнюдь не таким дьявольским, как нам кажется. Но я не могу принять ваше предложение. Я доволен своей судьбой и не намерен ее менять.

— Поразмыслите над этим, — отвечал он строгим голосом. — Мы собираемся здесь в первую пятницу каждого месяца.

Церковные колокола прервали его, прозвонив Ангелус; и тотчас все собравшиеся разразились ужасными завываниями, дьявол принял чудовищный облик, заставив меня замереть от ужаса, а женщина, показавшаяся мне такой прекрасной, превратилась в уродливую черную кошку; прочие гости обратились в летучих мышей, неясителей и других ночных

животных и птиц. Я задрожал от страха, когда они, обратившись, окружили меня, грозно щелкая зубами; непроглядная тьма воцарилась вокруг, и в ней открывались бездны, готовые поглотить меня; я не мог сделать и шага; земля извергала серу, смолу и зловонный, невыносимо отвратительный запах. Я был сдавлен со всех сторон, я задыхался, пот лил с меня градом; меня охватила такая слабость, что я едва держался на ногах.

Тем временем, серебристые переливы колоколов возвестили первые лучи рассвета; по привычке, я прочитал «Ангел Господень». Крики и вопли сейчас же удвоились, дьявол корчился, принимая тысячи обличей, загремел гром и я очутился посреди потоков огня, окруженный злобными рептилиями.

Закончив молитву, я сотворил крестное знамение; и тогда земля разверзлась и поглотила всех ужаснувших меня чудовищ.

День придал мне силы и мужество. Я удалился и более не испытывал соблазна посещать ночные пиршества.

РАССКАЗ О ВРУКОЛАКЕ

Анекдот, который мы собираемся изложить, взят из путешествия де Турнефора по Леванту и может пролить свет на рассказы о так называемых вампирах.

На острове Миконос (говорит автор) мы были свидетелями весьма необычной сцены, связанной с одним из тех мертвецов, которые, как считается, оживают после погребения. Народы Севера именуют их *вампирами*; грекам они известны под именем *вруколаков*. Человек, о котором мы намерены рассказать, был крестьянином с Миконоса и обладал мрачным, раздражительным и сварливым характером. В отношении его следует заметить, что он был убит в сельской местности, однако мы не знаем, кем и как.

Спустя два дня после того, как его похоронили в городской церкви, поползли слухи, что он разгуливает по ночам, носится по улицам, врывается в дома, переворачивает мебель, гасит лампы, исподтишка хватает людей и производит тысячи других мелких безобразий. На первых порах над этими слухами лишь посмеивались, но дело приняло серьезный оборот, когда жаловаться начали и самые достойные и честные граждане. *Попы* (греческие священники) сами вынуждены были признать, что они говорят правду. Никто в городе не пропускал церковные службы. И однако, мертвец продолжал бесчинствовать, не желая исправляться. После многих обсуждений члены городского совета, священники и монахи рассудили — уж не знаю, согласно какому старинному церемониалу, — что следует подождать, пока со времени похорон не пройдет девять дней. На десятый день в церкви, где покоился усопший, отслужили службу с целью изгнания демона, обосновавшегося, как они верили, в мертвом теле. Затем тело выкопали и извлекли сердце; труп издавал такой смрад, что пришлось зажечь благовония, но дым лишь усилил запах разложения и разгорячил умы этих бедных людей. Стали говорить, что из тела исхо-

дит густое облако дыма. Мы же, бывшие свидетелями всего этого, не осмеливались сказать, что то был дым кадильниц.

Несколько добровольных помощников заверили, что кровь злосчастного крестьянина осталась ярко-красной; другие клялись, что тело еще теплое; отсюда они заключили, что умерший допустил большую ошибку, не умерев окончательно, или, вернее сказать, позволив дьяволу оживить себя; именно таким они представляют себе вруколака, и слово это с тревогой слетало с их губ.

В толпе пришедших раздались громкие возгласы; когда умершего несли в церковь для погребения, говорили они, люди заметили, что тело его не окоченело; следовательно, утверждал хор голосов, то был настоящий вруколак.

Когда нас спросили, верим ли мы, что этот человек умер, мы ответили, что он вполне и совершенно мертв; что же касается алой крови, то легко увидеть, что это всего-навсего весьма зловонные телесные выделения; и наконец, мы постарались всеми силами их успокоить либо, по крайней мере, не подливать масла в огонь их расpalенного воображения, объяснив им присутствие так называемых испарений и теплоту мертвого тела. И все-таки, несмотря на все наши доводы, решено было сжечь сердце мертвеца. После этой экзекуции, однако, мертвец отнюдь не сделался более послушным и стал буйствовать еще сильнее, чем прежде. Его обвиняли в ночных нападениях на людей; говорили, что он вышибал двери, бил окна, рвал на клочки одежду и опустошал котлы и бутылки. Это был очень беспокойный мертвец; кажется, он обходил стороной лишь дом консула, где мы жили. Воображение у всех разыгралось, и даже самые разумные горожане были захвачены всеобщим страхом. Мы видели истинную болезнь рассудка, не менее опасную, чем мания или бешенство. Целые семьи бросали дома, бежали на окраины города, навьюченные своими убогими пожитками, и ночевали там. Каждый жаловался на какое-нибудь новое нападение мертвеца; самые осторожные уходили в деревни.

Иные ярые ревнители общественного блага считали, что главное в церемонии было упущено; согласно им, службу

следовало провести не до, а после того, как несчастного лишили сердца. Будь эта предосторожность соблюдена, дьявола застали бы врасплох и он, без сомнения, не возвратился бы снова в мертвое тело; вместо того начали со службы, что позволило нечистому ускользнуть и затем с удобством вернуться в тело покойника. Итак, если верить этим рассуждениям, они находились в таком же затруднительном положении, что и на первый день. Люди собирались утром и вечером; три дня и три ночи продолжались религиозные процессии; *попы* вынуждены были поститься. Последние бежали от дома к дому с кропилами в руках, окропляя двери и окна святой водой; даже в рот бедного вруколака влили святую воду. Видя подобные защитные меры, мы сочли за лучшее молчать — ведь иначе нас объявили бы не только глупцами, но и еретиками. Возможно ли наставить на ум целый город? Каждое утро нас ждала комедия в виде новых рассказов о подвигах этого ночного хищника, которого обвиняли в самых чудовищных грехах. Тем временем мы часто говорили городским властям, что в нашей стране непременно выставили бы ночную стражу, поручив ей наблюдать за происходящим; наконец, арестовали и быстро отпустили нескольких бродяг, без сомнения замешанных в беспорядках, а те, в награду за вынужденный пост в тюрьме, начали снова опустошать бочонки с вином в оставленных по глупости пустыми домах — и горожанам пришлось вернуться к молитвам.

Тело извлекали из могилы трижды или четырежды в день по капризу первого встречного; и однажды, когда были прочитаны молитвы и на могилу положили бесконечное количество обнаженных сабель, случившийся поблизости албанец заявил менторским тоном, что в подобных случаях чрезвычайно нелепо использовать сабли, какие в ходу у христиан.

— Бедняги! — сказал он. — Разве вы не видите, что эфес и гарда такой сабли вместе образуют крест, и все эти кресты препятствуют дьяволу выйти из тела? Не лучше ли взять турецкие сабли?

Совет этого знающего человека не возымел действия; вруколак не сдавался, и люди уже не знали, к какому свято-

му воззвать, когда внезапно по всему городу в один голос стали кричать, что необходимо сжечь вруколака целиком. Пусть попробует тогда демон возвратиться в тело, говорили горожане, добавляя, что лучше прибегнуть к таким крайностям, нежели позволить вруколаку опустошить весь остров. И впрямь, некоторые жители готовились уже покинуть этот край и искать счастья в других местах. Тело вруколака, по приказанию властей, перенесли на северную оконечность острова Святого Георгия, где сложили большой костер из облитых смолой бревен, опасаясь, что даже сухое дерево будет гореть недостаточно быстро. Останки злосчастного трупа были брошены в огонь и вскоре сгорели. Произошло это в первый день января 1701 года. С тех пор прекратились все жалобы на вруколака; говорили, что демона на сей раз поймали с поличным, и о нем сложили несколько язвительных песенок.

БЕЛАЯ СОБАЧКА

Черная сказка

Рассказывают, что в начале семнадцатого века, в лесу Бонди, у обочины большой дороги, пересекавшей лес с востока на запад, росли два больших дуба; и в дупле одного из них можно было увидеть хорошенькую белую собачку с блестящей шерстью, в ошейнике красного марокена, украшенном золотой пряжкой и инкрустацией.

Это маленькое создание все время спало и просыпалось, похоже, только тогда, когда какой-нибудь прохожий, с удивлением завидев прекрасную зверушку, потерявшуюся в лесу, подходил к ней, собираясь погладить; но как бы осторожно к ней ни подходили, собачка в последний миг вскакивала и отбегала на несколько шагов в лес; если же прохожий притворялся, что уходит, она возвращалась на прежнее место, вновь убегала, когда к ней приближались, и снова упорно возвращалась. Некоторые, устав от такой игры, бросали в нее камни, но она оставалась нечувствительна к ним, словно была высечена из мрамора; не беспокоили ее и выстрелы лесников, так как пули попадали в нее, не причиняя никакого вреда; в конце концов в округе решили, что эта собачка была по меньшей мере приспешницей дьявола, если не самим дьяволом. Нижеследующая история вызвала в окрестностях небывалый ужас, и вскоре о ней судачили по всей стране.

Один маленький мальчик, лет десяти, был послан родителями набрать дров в лесу. К завтраку он не вернулся. Однако ему велели держаться подальше от главной дороги, и мальчик был очень послушным; поэтому дома о нем лишь немного побеспокоились и вернулись к обычным делам. Когда мальчик не появился и к обеду, начали подозревать, что случилось какое-то несчастье; наступило время ужина, ребенка все не было, и отец его, Жан Фортен, сказал жене:

— Женщина, зажги мне факел. Дети, принесите мое двустольное ружье, найдите пули и порох. Я пойду за вашим братом. Если я до ночи не вернусь, ложитесь спать, так как я готов обшарить весь лес, но непременно вернуться с Селестином.

Селестином звали пропавшего мальчика.

— Отец, — сказал старший сын, Тома, высокий парень лет двадцати, — я пойду с тобой.

— Пойдем, если тебе достанет храбрости, — отозвался Фортен. — Но предупреждаю тебя, я пойду прямо к двум дубам.

— Даже не думай об этом, отец, — возразил Тома.

— Ты можешь оставаться или идти со мной, — отвечал Фортен, — я же готов погибнуть, но разоблачить эти дьявольские козни. Я должен найти нашего Селестина; не сомневаюсь, что он побежал за проклятой собачонкой. Что же! и я последую за нею, и если это дьявол, я заполучу его рога — или же он унесет меня.

— Пойдем, — промолвил Тома.

Все семейство дрожало от страха и никто не отважился, а возможно, и не подумал возражать, выслушав этот безрассудный план.

И они ушли; ночь была темна, и Тома напрасно светил фонарем: каждую минуту они натыкались на деревья, путались в кустарнике, возвращались по своим следам, пытались выбраться из чащи — и все дальше уходили в лес.

Наконец они вышли на большую западную дорогу; здесь идти стало свободнее.

С час они шагали в молчании, прислушиваясь и надеясь услышать голос Селестина, но стояла полная тишина и даже роковые дубы не показывались.

— Кажется, мы прошли мимо, — сказал отцу Тома.

— Нет, — возразил отец, — я внимательно смотрел по сторонам. Мы еще не дошли.

— Я думал, мы больше прошли, — заметил Тома.

— Не унывай, — отвечал отец.

Прошло еще полчаса, но дубы все не показывались.

— На сей раз и мне все это начинает казаться странным, — сказал Фортен. — Мы должны сейчас быть на краю леса, ведь пересечь его можно минут за пятьдесят, а мы идем уже полтора часа; как видно, мы не заметили дубы.

— Нужно вернуться, — сказал Тома.

— Вернемся, — согласился Фортен, но в эту минуту поднялся такой ветер, что им пришлось придерживать шляпы руками. Ветер свистел в ветвях, и они невольно подняли головы.

— Вот и дубы, — проговорил Тома, дрожа всем телом.

И впрямь, Фортен увидал рядом, там, где ступалась темнота, очертания двух величественных деревьев. Они были совсем близко, не далее чем в двадцати шагах.

— Пойдем, Тома, — решительно произнес Фортен, хотя и сам ощущал трепет, — пойдем. Моя очередь идти впереди.

С этими словами он зарядил ружье и направился прямо к деревьям; Тома последовал за ним. Они сделали сотни три шагов, но дубы, до которых, казалось, было рукой подать, оставались от них на прежнем расстоянии. Они продолжали идти, но дубы будто отдалялись от них, лес раздавался в стороны, повсюду раздавалось шипение, точно в нем кишели змеи. Время от времени Фортен наступал на какие-то тела, чьи-то когти царапали его ноги; в воздухе висело злобное, вокруг словно вились неведомые и невидимые создания. Измученный усталостью, Фортен повернулся, собираясь предложить сыну присесть и немного отдохнуть — но Тома уже не было рядом.

Фортену кажется, что он видит сквозь кусты свет фонаря; он даже узнает белые бриджи сына; он зовет Тома, и незнакомый голос отвечает:

— Иди сюда, я жду тебя!

Фортен медлит, но все же идет вперед; свет вскоре исчезает; но вот он мелькает снова. Фортен вновь зовет сына.

— Я здесь, иди сюда! Я жду тебя!

Фортен не узнает голос: то голос не Тома и не Селестины; фонарь окончательно гаснет; Фортен не понимает, где находится; он поворачивает назад, но не может найти дорогу, с которой только что сошел; холодный пот выступает на

его теле, вокруг и перед глазами кружатся летающие твари; Фортен их не видит, но чувствует их тлетворное и обжигающее дыхание, ощущает дуновение, словно над ним взмахивают крылами громадные птицы; он начинает сожалеть, что отправился в лес, мужество покидает его, ружье выпадает из рук; не то истомленный, не то потрясенный, он вынужден прислониться к ближайшему дереву. В эту ужасную минуту он вручает свою душу Господу и достает из кармана распятие (этот благочестивый человек всегда носил его с собой); но силы оставляют Фортена, он опускается на колени у подножия дерева и вскоре лишается чувств!..

Стоял день, когда Фортен очнулся; возможно, его привело в себя солнце, согревавшее его руки и ноги. Фортен огляделся и увидел свое сломанное ружье, все изглоданное, будто его жевали чьи-то зубы; ружейные стволы казались обожженными, деревья вокруг были покрыты кровью, магическими знаками и ужасающими следами, ветви их почернели и иссохли, по истоптанной траве были разбросаны обрывки одежды. Фортен узнал одежду своих несчастных сыновей и понял, что и его постигла бы та же судьба, не будь он вооружен символом Божества; лишь распятие спасло его от дьявола.

Обезумев он страха, он вскочил и бросился домой. Там он рассказал обо всем; рассказ его подтвердили власти и отряд стрелков, обследовавший лес. Они увидали все, о чем говорил Фортен: следы жуткого пиршества, плясок и забав дьявольской братии. Стрелки хотели предпринять поиски, но вдруг появилась белая собачка и все они в ужасе застыли; заключив, что в том месте обитает демон, коего им было не изгнать, решено было поставить кругом кресты, дабы не расширил он свои владения, и с той поры в округе больше не слышали о происшествиях в этой части леса. Но горе тому, кто осмелится нарушить границы!

ПУТЕШЕСТВИЕ

Мне понадобилось уехать из столицы по делам; мы, то есть четверо попутчиков, путешествующая дама и я, уселись в карету. Мы начали с обмена любезностями, затем перекусили и подремали; но все время спать и есть невозможно, и пришлось коротать время за разговорами. Исчерпав тему мод, мы перешли к обсуждению рода человеческого, покритиковали каждого министра, власти в целом, миссии и миссионеров; рассмотрев в мельчайших подробностях весь миропорядок, мы было притихли, но тут беседа коснулась призраков и непокойных мертвецов.

— Ах, Боже мой! — промолвила путешественница. — Я не могу жить в своем замке: он манит к себе всех призраков из потустороннего мира.

— Где же ваш замок? — спросили все.

— Мы будем проезжать мимо, — отвечала она.

— Тем лучше, мы увидим ваших духов.

— Лично я не слишком стремлюсь к подобным приключениям, — заметил один из наших спутников, производивший впечатление человека рассудительного.

— Я также, — отозвался другой, — и почитаю за лучшее их избегать.

Любопытство остальных было возбуждено этими замечаниями, и мы попросили их рассказать, почему они так страшатся духов.

— Нет ничего проще, — сказал первый. — Я поведаю вам свою историю.

БЕСКОНЕЧНЫЙ КОНЬ

Черная сказка

Я всегда любил путешествовать и, словно Агасфер, никогда не оставался подолгу на одном месте; в карете, верхом или на своих двоих, я всегда колесил по свету.

Однажды вечером, когда уже близились сумерки, я почувствовал тягостную усталость и громко воскликнул:

— Будь у меня конь, я был бы счастлив!

Не успел я договорить, как меня догнал всадник и промолвил:

— Месье, вы очень устали, а до города еще три лье; если вы пожелаете воспользоваться крупом моего коня, он к вашим услугам.

Я было замаялся, но необходимость заставила меня принять предложение, и я очутился позади всадника; и вдруг шагах в пятистах показался еще один путник, получил то же предложение и также ответил согласием; за ним второй, третий, пятый, шестой и наконец двенадцатый, а конь под нами все удлинялся и все путники оказывались у него на спине.

Меня уже давно терзал страх; я не отваживался вздохнуть и был скорее мертв, нежели жив. Но представьте, что было со мной, когда проклятый конь с молниеносной быстротой свернул с дороги и поскакал вперед!

— О, небеса! — вскричал я. — Господь наш был в таком же обществе, их тоже было тринадцать, и тринадцатым был Иуда, предавший Его. Не иначе, средь нас Иуда! Спаситель, не оставляй нас!

В этот миг раздались ужасающие завывания; вскоре я ничего больше вокруг не чувствовал, но продолжал куда-то мчаться; я несся непредставимо быстро и внезапно нашел себя почти в том же месте, где впервые повстречал проклятого всадника.

Вот что, господа, внушило мне отвращение к путешествиям и побудило не относиться так недоверчиво к историям о призраках.

Мы не знали, что и сказать об этом рассказе, когда заговорил второй.

ЗАЧАРОВАННЫЙ ДОМ

Забавная сказка

Когда я жил в Марселе, мне пришлось отправиться в Ласьоту, маленький городок на расстоянии всего шести лье; я вышел поздно, по пути наслаждался романтическими видами этого прекрасного края и незаметно заблудился; темнота застала меня посреди холмов. Я долго шел, сам не зная куда и, заметив поблизости огонек, направился к нему, решив попросить приюта. Я постучался; мне открыл слуга, выслушал мою просьбу и ввел меня в прелестную гостиную, где сидела очень красивая и весьма грациозная дама; она приняла меня чрезвычайно любезно, пригласила сесть рядом с собой, велела подать ужин — и в течение этого вечера я имел все основания полагать себя счастливым.

Пришло время ложиться спать, и я собирался распрощаться со своей хозяйкой, но эта вероломная дама попросила меня минутку подождать и вышла, сказав, что сейчас же вернется. Увы! она еще не возвратилась, когда пробил роковой полночный час, и удары часов еще звучали, когда в гостиную вторглась толпа духов; одни шли, другие порхали в воздухе, и все, казалось, чрезвычайно веселилось. Поначалу я не испугался, но вскоре они окружили меня, и колосс с голосом Стентора спросил:

— Несчастный, зачем явился ты сюда? Разве ты не знаешь, что дом сей принадлежит духам и что мы собираемся здесь каждую ночь?

Я нашел в себе сил ответить; могучий гигант схватил меня, закутал в покрывала и вытащил на середину комнаты. Самое же удивительное, что я ничего не почувствовал и переместился словно по волшебству.

Потешившись таким образом, они оставили меня, усадили — и главный шутник этого дьявольского общества предложил меня побрить; вскоре принесли таз, мыло, полотенце, одним словом, все принадлежности цирюльника, и невидимая или, по крайней мере, очень легкая рука побрила меня с образцовой ловкостью и тщательностью; но зловредный дух побрил меня только с одной стороны, и вот доказательство: как вы можете видеть, борода на моей левой щеке больше не растет, в то время как правая осталась такой же, как была.

Мы пригляделись и увидели на его левой щеке лишь короткую и словно обожженную щетину.

— Покончив с бритьем, — продолжал наш спутник, — они разразились хохотом и решили, что будет неплохо покачать меня на одеяле; это продолжалось с четверть часа, после чего меня оставили в покое.

Начало светать; без сомнения, настал их урочный час, ибо духи поспешно скрылись, но прежде оставили на моем теле различные неизгладимые знаки, которые, в чем также нет сомнений, останутся на мне до самой смерти.

Больше всего меня удивило, что на рассвете исчез и дом, и я очутился на окраине Ла-Сьоты, не понимая, как был перенесен туда и куда подевался дом.

Эти события навсегда запечатлелись в моей памяти, и с того времени мне не по душе общество призраков.

— Увы! ваши приключения, господа, ничто по сравнению с бедами, что навлекли на меня мои злодеяния, — промолвил третий путешественник.

— Говорите же! — потребовали мы хором.

— Охотно, — ответил он, — но рассказ мой заставит вас дрожать; сам я до сих пор дрожу.

ДОГОВОР С ДЬЯВОЛОМ

Маленькая повесть

С рождения был я честолобив, необуздан и вспыльчив; мельчайшая неприятность выводила меня из себя, и когда меня начали преследовать несчастья, я впал в ярость.

Однажды вечером, обманутый в своих честолобивых надеждах, я принялся от всего сердца проклинать свою судьбу.

— Если адский дух существует, пусть он явится, пусть придет ко мне, — вскричал я. — В каком бы виде он ни появился, я предамся ему, если он пообещает мне отмщение!

Не успели эти слова слететь с моих губ, как я ощутил жгучий жар; термометр в комнате показал 48 градусов тепла, вокруг вспыхнули разноцветные языки пламени, горячий ветер обжег мое горло и я едва не задохнулся.

Явления эти устроили меня, и я спросил себя: возможно ли, что предо мной предстанет сам дьявол?

Вскоре ко мне приблизился чудовищный призрак.

— Что нужно тебе? — спросил он. — Говори.

Я с трудом заставил себя посмотреть на ужасную фигуру; все поры призрака извергались пламенем, а вокруг его страшного тела вились во все стороны змеи; он же тем временем резким тоном говорил мне следующее:

— Отвечай быстрее, мое время дорого, меня ждут и другие. Ты хочешь золота? Ты жаждешь мести? О да, вижу, ты хочешь отомстить за свои обиды! Желаешь стать государственным мужем, поэтом, воином? Я исполню твои желания, ибо я дарую благодать... славу... выбирай!

Я нашел в себе, однако, силы спросить его об условиях.

— Я подарю тебе еще 40 лет жизни; ты сможешь делать все, что захочешь, но по окончании срока будешь всецело мне принадлежать. Пока ты жив, я буду твоим рабом; но по смерти ты станешь моим. Решай, устраивают ли тебя мои условия; если так, подпишем наш договор, иначе — гово-

рить не о чем, прощай.

Злодеяние ведет к новому злодеянию. Увы! признаюсь, в слабости своей я подписал нечестивый пакт.

Все мы, слушавшие рассказ нашего спутника, задрожали.

— Договор был подписан, — продолжал он, — и демон сказал мне:

— Господин мой! Я твой покорный раб. Жду твоих приказаний. Когда бы я ни понадобился, топни ногой, и я тотчас буду к твоим услугам.

— Проверим! — отвечал я ему. — Требую, чтобы ты изменил свой облик и принял менее отвратительный вид.

Стоило мне договорить, как я увидел перед собой очаровательного молодого человека, который спросил, доволен ли я.

— Доволен. Но теперь изволь дать мне денег.

Под моей кроватью появился сундук.

— Как тебе известно, я до смерти *ненавижу одного политика; я должен быть отмищен.*

— Ты получишь желаемое. Завтра он будет с позором изгнан, и ты займешь его место. А на сегодня достаточно, ложись и спокойно засыпай.

Мой будущий властелин и нынешний раб удалился, я же последовал его совету и прекрасно отдохнул.

Утром меня разбудил посыльный, сообщивший приятное известие: враг мой пал, и я назначен на его место. Я победил, вернее сказать, полетел в свой новый кабинет.

Что сказать? все мои желания исполнились. Я обрел славу государственного мужа, военачальника, поэта; казалось, я преуспевал во всем. Но человеческая натура непоследовательна; я не мог наслаждаться сладостью счастья; во мне бушевало честолюбие, лавры и мирты наскучили, ибо все было мне доступно. Я поделился этим с дьяволом; тот озлился и сказал, что ни один смертный не получал столько благодеяний, что моя власть почти сравнима с мощью божества и что я, по всей видимости — самое неблагодарное создание на свете. В ярости схватил я наш договор и ответил, что он должен быть счастлив служить мне, будучи моим

презренным рабом.

— Желаю сделаться равным Творцу и сам творить жизнь, — сказал я.

— Я ожидал этой просьбы, — сказал дьявол. — Я принужден исполнять твои желания, поскольку не желаю нарушить наше условие; и однако, ты глупец.

Я велел ему замолчать и, взяв совершенной красоты восковую статую, приказал дьяволу оживить ее и превратить в восхитительную женщину. На горе мне, он подчинился, и я увидел прекраснейшее создание, когда-либо ступавшее по земле.

— Я удаляюсь, — промолвил демон. — Ты сам навлек на себя несчастье, и не в моей власти отвратить его. А теперь я прощаюсь с тобой.

Едва он вышел, как меня охватила самая страстная любовь к моему творению; я выдал ту женщину за свою жену и считал, что нашел счастье; но, Господь Всемогущий! это создание обладало столь же совершенной красотой, сколь уродливой душой; она вела меня от промаха к промаху, от злодеяния к злодеянию. Я пал так низко, что вместе с нею мечтал, чтобы у всего человечества была лишь одна голова — тогда мы могли бы ее отсечь. Должен признаться, что если бы силы демона не истощились в сотворении этого существа, половина рода людского распрощалась бы с жизнью; но, как я уже сказал, он был больше не в состоянии исполнять все мои желания и прихоти и оказывал мне лишь мелкие услуги. Когда я спросил его о причине, он ответил, что скован запретом небес.

Итак, я терзался в мучениях, доставляемых мне собственным творением, а роковой срок тем временем приближался, о чем известил меня раб, собиравшийся стать моим господином.

— Ты шутишь! — сказал я. — Еще и двадцати лет не прошло!

— Двадцать лет вскоре истекут, — заметил он. — В аду у нас двойной счет: двадцать лет дня, двадцать лет ночи, итого сорок лет, что я обещал тебе.

Я вышел из себя, я раскричался, но все было напрасно: приходилось примириться с тем, что через два дня я окажусь во власти демона.

Какое бы положение ни занимал человек, умирать ему не хочется, тем более тогда, когда его ждут когти дьявола; я был уверен, что дьявол меня не пожалеет, так как, с его точки зрения, я обращался с ним не слишком любезно.

Погрузившись в тяжкие раздумья, я вышел утром из дома и машинально направился в церковь. Не успел я переступить порог, как дьявол преградил мне путь.

— Прочь, несчастный раб! До завтрашнего дня у тебя нет надо мной власти! — сказал я ему.

Он отошел, осыпая меня бессильными угрозами. Я поспешил внутрь, попросил позвать знакомого мне почтенного священника и исповедался ему в своих грехах.

— Я обо всем знал, — проговорил он, — и ждал, пока ты не обратишься к спасению.

Затем он велел запереть двери храма и собрал всех служителей; они провели обряд экзорцизма, окропили меня святой водой, присудили к *amende honorable* — одним словом, очистили меня.

Во время всей этой церемонии демон испускал жуткий вой; несколько раз он попытался схватить меня; для защиты от него мне дали в руки распятие; после раздались ужасающие вопли, церковь наполнилась сернистым и ядовитым запахом. Повсюду, казалось, витали призраки, и лишь немалое количество святой воды помогло изгнать злого духа. Наконец все закончилось, и пока я пребывал в состоянии благодати, ту же церемонию провели у меня дома, однако здесь священнослужители едва не пали жертвой своего рвения, ибо демоны, ничем не сдерживаемые, в отличие от церкви, чинили всевозможные бесчинства. Одного из священников они схватили за горло, и спасти его удалось с немалым трудом. Я вернулся в свой дом, очищенный от inferнальных гостей, но не нашел там никого: и слуги, и мое создание бежали, все они провалились в преисподнюю.

Теперь я веду тихую жизнь и надеюсь умереть в мире, при условии, конечно, что не нарушу никаких заповедей. Я

должен всегда носить этот образок, — и он показал нам изображение Девы Марии.

* * *

Каково же было наше удивление, какой ужас овладел нами, когда один из наших спутников яростно бросился на рассказчика и со страшными криками сжал его горло!

Путешественник защищался образом, и мы заметили, что всякий раз, когда изображение Девы прикасалось к демону, тот отступал, кипя от злобы.

Битва продолжалась довольно долго; затем мы увидели, как нечто с быстротой молнии скользнуло вниз с неба.

— Господи! — воскликнул несчастный путешественник. — Я спасен. Беги, адский демон, вот мой спаситель!

В тот же миг в карете появился ангел и, обращаясь к злому духу, произнес:

— Как осмелился ты тронуть нечестивыми руками сей святой образ? Ты хорошо знаешь, что обязан почитать его. Ступай, дух тьмы, возвращайся в глубины земли, в свое вечное обиталище, что назначил тебе божественный Творец!

И с этими словами ангел выбросил его из кареты; разверзлась бездна и поглотила демона.

Еще не оправившись от испуга, мы прибыли к замку путешествующей дамы.

Было восемь часов вечера, и мы невольно поторопились выйти из кареты. Старый привратник, весь дрожа, открыл нам дверь. Бедняга принял нас за армию призраков, явившихся мучить его; он с опаской провел нас в гостиную и принес ужин. Мы, в свою очередь, оставались настороже, ожидая пришествия духов.

Ближе к полуночи мы заметили на стене тень; мы приблизились, но тень не исчезла, а, напротив, стала принимать разнообразные очертания, и минуту спустя гостиная наполнилась тенями, сновавшими во всех направлениях. До тех пор мы лишь смеялись, но страх сковал нас, когда

дверь гостиной отворилась после двух громких ударов, и вошедшая женщина промолвила:

— Дерзновенные смертные, какой рок привел вас сюда? Ступайте прочь, бойтесь моего гнева!

Мы переглянулись; путешественник, сражавшийся с демоном, крепко сжимал свой образок, хозяйка замка крестилась, остальные читали молитвы — коротко говоря, все были заняты, и проявлять учтивость выпало мне одному; и я позволил себе приветствовать гостью следующими словами:

— Кем бы ты ни была, я не боюсь тебя. Будь ты призрак, демон или что-либо еще, мне все равно, и я готов бросить тебе вызов.

Затем я сделал несколько шагов к призраку и протянул руку, намереваясь схватить его; но привидение исчезло, а на его месте стоял непредставимо чудовищный монстр; я попытался обхватить его руками и прижать к себе, однако чудовище было усеяно острыми шипами, заставившими меня отступить; я достал свое оружие — напрасная надежда: ни пули, ни кинжал ничего не могли с ним поделать. Мы оставались в этом странном положении, когда раскат грома усугубил наш ужас; весь замок, казалось, разом полыхнул огнем, густой дым затруднял дыхание и едва позволял нам разглядеть друг друга, гигантские тени метались туда и сюда и угрожающе налетали на нас; но хуже всего пришлось несчастному, заключившему пакт с дьяволом: его обуял такой страх, что он выронил священный образок; демоны мгновенно завладели им и свернули ему шею. Мы видели, как злосчастный путешественник испустил дух, но ничем не могли ему помочь; и с каким трепетом мы слышали, как голос, громкий, словно грохот бушующего моря, произнес:

— Вероломный человек! Ты принадлежал мне; на многие жертвы пошел я, дабы тебя заполучить; но ты, нарушив клятву, отверг наш договор. Теперь ты в моей власти, и пусть все клятвопреступники содрогаются, слыша твою историю!

С последними словами замок канул во тьму, и все мы лишились чувств. Очнувшись, мы обнаружили себя в открытом поле; мы были так слабы, что едва поднялись на ноги. Кое-как мы добрались до ближайшей деревни, твердо пос-

становив никогда больше не искать подобных приключений. Тем не менее, мы заказали мессы и молились за душу несчастного путешественника, надеясь вырвать ее из когтей дьявола, и я убежден, что нам это удалось, так как он показался мне, белый как снег, с образком в руке, и благодарил меня за все, что я сделал для него.

ПРИВИДЕНИЕ В КРАСНОМ

Черная сказка

Закончив учебу, я в чине лейтенанта вступил в гусарский полк, в то время как мой сердечный друг, маркиз де ***, вернулся к семье, жившей на берегах Роны.

Шесть лет спустя я получил отпуск и решил провести его в доме своего друга.

Мы часто переписывались, и из писем его я узнал об ужасах старинного фамильного замка; отчаявшись, он принужден был покинуть замок.

Я был от природы наделен недюжинной смелостью и только посмеивался над его письмами. Когда я приехал, он рассказал мне, что боится даже заходить в главную башню; его дед по меньшей мере раз двадцать являлся ему в этом донжоне; все в доме узнали умершего и были свидетелями безобразий, что устраивали в замке призраки.

Я поневоле расхохотался.

— Люблю необычайные приключения, — сказал я ему, — и ни за что не пропущу зрелище бродячих покойников. Навещу-ка я твоего деда.

— Упаси Боже, друг мой! В замке никто не живет, и никто не может без дрожи подойти к нему даже днем.

— Пустые страхи, — отвечал я, решив в тот же вечер познакомиться с inferнальными духами. Все уговоры моего друга были тщетны, и в сопровождении прислуживавшего мне бравого гусара я немедленно отправился в путь.

Добравшись до замка, мы осмотрели наше оружие, а затем обошли все комнаты. Мы выбрали самую удобную, разожгли огонь в большом камине, подкрепились сытным ужином и стали ждать появления непокойных мертвецов. Незаметно мы заснули. Пробудила нас жесточайшая вакханалия: звенели тяжелые цепи, двигалась мебель, весь замок был пропитан густым тошнотворным запахом, по комнатам гуляли порывы ветра, а гром гремел так, что казалось, небо

вот-вот обрушится на нас и раздавит. Мы с гусаром переглянулись, не столько испуганные, сколько удивленные. Собрав все свое мужество, я воскликнул:

— К оружию! Эти мертвецы — всего-навсего живые существа; при виде нас они обратятся в бегство.

Только я договорил, как дверь отворилась, и мы увидали гигантский призрак; его запавшие глаза горели, посиневшие губы открывали длинные гнилые зубы; опавшая со щек кожа и лысая голова дополняли облик этого жуткого чудовища; руки его были вооружены кривыми когтями, тело представляло собой скелет, и меж костей кишели рептилии. Он показался нам страшнее самой смерти.

Мы все еще рассматривали монстра, когда в комнату вошел старик лет восьмидесяти на вид, одетый в красное. Его внешность внушала уважение и придала нам уверенности.

— Глупцы! — промолвил он. — Кто послал вас тревожить мой покой? Всю жизнь семья преследовала меня и продолжает преследовать и по смерти... Бегите, несчастные, спасайтесь, иначе падет на вас мой гнев!

— Тысяча чертей! — вскричал мой гусар. — Я не бежал от неприятельских полков, не побегу и от призрака. погоди, наглый старик, я докажу тебе, что французский гусар не дрогнет перед всеми полчищами ада!

Произнеся это, он выхватил пистолет, прицелился и выстрелил. Пуля вылетела, ударила старика в грудь и покати-лась к его ногам.

— Что против меня твои пули? — с холодной иронией проговорил призрак.

— Сейчас постараюсь получше, — отозвался гусар. Но второй выстрел оказался ничуть не более успешен, чем первый.

— Дьявол меня побери! — воскликнул гусар. — Никогда я не стрелял так метко и так неудачно!

— Следуйте за мной, — сказал призрак замогильным голосом.

— Я последую за тобой в ад! — крикнул гусар.

— Что ж! пойдем.

И мы пошли за ним. Старик повел нас по лабиринту комнат, дворов, садов и цветников; остановившись наконец, он обратился к нам со следующими словами:

— Я проклят, и причиной тому моя семья. Отторгнутый от нее, я предался адским духам, и во имя мести чинил безобразия в этом замке. Скажите моему внуку, что еще десять лет ни ему, ни кому-либо другому не позволено будет жить здесь. Близится время моего возвращения в ад; я чувствую жалящие языки огня, я горю...

Адский спутник сжал старика в когтях.

— О, чудовище, — вскричал тот, — когда перестанешь ты терзать меня? Твои когти рвут мою плоть, твои зубы впи-
ваются в мое тело, ты отравляешь меня своим дыханием!

И впрямь, огонь охватил старика, а ужасный страж терзал его тело. Мы онемели и застыли на месте. Адский дух топнул ногой и издал жуткий вопль. Земля тотчас разверзлась и поглотила старика и его палача.

Храбрость наша оказалась ни к чему. Мы поспешили к своим лошадям и поскакали прочь от замка со всей стремительностью, на какую способны были их быстрые ноги.

Вернувшись к маркизу, мы подробно рассказали ему о своем приключении, убеждая его впредь никогда не приближаться к замку.

ЗАЯЦ

Мой приятель, честный фермер, был страстным охотником; с раннего утра можно было видеть, как он перебирался через рвы, карабкался на холмы и преследовал несчастную дичь до самых дальних нор и логовищ.

Однажды вечером, усталый и очень недовольный, он грустно возвращался домой с пустой охотничьей сумкой; из-под ног у него вскакивает заяц; мой друг целится и промахивается; его горечь удваивается, но тут он видит, что заяц притаился в сотне шагов от него. Он вновь заряжает ружье, подходит ближе, снова прицеливается и снова промахивается; он никогда не тратил пули впустую и не понимает, что с ним стряслось. Он уходит, ворча, и видит зайца, который сидит выпрямившись и спокойно разглаживает свои усики.

— На сей раз, — говорит охотник, — тебе от меня не уйти.

Он берет, как всегда, верный прицел, стреляет и думает, что подстрелил зайца. Напрасно: заяц отбегает на несколько шагов и словно смеется над врагом. Неустрашимый охотник кипит от ярости и клянется преследовать зайца хоть до края земли; он держит слово и через два часа расстреливает все пули, а проклятое животное по-прежнему сидит в нескольких шагах и насмехается над ним. Вся ярость давно покинула моего приятеля; он обыскивает свою сумку и находит немного пороха, но свинца больше нет; он не знает, что делать, но вдруг ему приходит в голову мысль изготовить пули из лежащих в кармане шести лиардов и шести су; с превеликим трудом он скручивает монеты, тщательно заряжает ружье и готовится стрелять; внезапно заяц превращается в человека.

— Прекрати преследовать меня, несчастный, — говорит незнакомец охотнику. — Небеса позволили мне принять человеческий облик, дабы ты не совершил злодеяния. Знай же, что я твой дед; пятьдесят лет живу я на этой равнине в шку-

ре зайца, и наказание мое продлится еще пятьдесят лет. Не повторяй мои ошибки, если не хочешь испытать такую же кару.

Сказав это, он снова превращается в зайца и оставляет внука ошеломленным и дрожащим от страха.

С того дня мой приятель никогда больше не осмеливался охотиться на зайцев.

ЛАНЬ СТАРИННОГО АББАТСТВА

Черная сказка

В середине десятого века, на краю громадного леса в Нормандии, стояло аббатство.

Лес тот был овеян легендами; в нем постоянно являлись призраки и обитала вдобавок белая лань, с незапамятных времен наводившая страх на всю округу. Деды говорили внукам: «Избегай стен аббатства, когда настанет ночь». Перед смертью дед мой дал мне тот же совет, и такой же получил он от своего деда.

Многие молодые люди, не слушая подобные советы, пытались в былые годы справиться с ланью; иные погибли, другие возвращались, но все они видели ужасные вещи.

Монахи тщетно обещали большую награду тому, кто избавит лес от напасти; ужас был столь велик, что никто и слышать не желал о лани.

Так обстояли дела, когда в монастыре попросили приюта два рыцаря; их благородные и гордые лица, их сила, казавшаяся сверхъестественной, многочисленные шрамы, полученные в кровавых схватках — все говорило о том, что незнакомцы были храбрыми воинами.

Аббат сердечно их принял и так искренне просил их провести несколько дней под монастырским кровом, что отказаться они не могли.

— Лишь по причине твоей доброты, — сказал аббату один из рыцарей, — я и мой брат по оружию примем твое предложение; ибо горести наши столь велики, что мы намеревались сложить свои головы в далеких землях.

— Сын мой, — промолвил аббат, — небеса сулят тебе многое; я ждал тебя, и печали твои мне известны. Сюзерен, с позором удаливший тебя, вскоре осознает свою ошибку; ты вернешься ко двору, где достоин быть; знай, на том завершатся твои несчастья.

Сказав это, достойный аббат поднялся и пожелал рыцарям спокойной ночи, а те в удивлении отошли ко сну.

— Знали мы, что аббат оваян святостью, — говорили они между собой, — но не ведали, что он к тому же и пророк.

На следующее утро, едва рассвело, аббат вошел в келью, где спали рыцари, сел у изножья одной из кроватей и повел такую речь:

— О рыцари, столь же благородные, сколь и храбрые, само небо привело вас к нам; Господь, которому мы служим, прислал вас, дабы положить конец и вашим, и нашим злоключениям.

Именитые рыцари! свыше ста лет в окрестностях этого аббатства являются призраки, то более, то менее ужасные; злые духи избрали лес своим домом и предстают перед людьми то в одном, то в другом облиии, и многие наши вассалы и рыцари стали их жертвами. И до сих пор считалось, что никакая земная сила не способна одолеть этих адских духов.

В боли своей, и я так думал, но позапрошлой ночью мне было видение. Явился ангел и сказал мне: «Аббат, небеса тронуты твоими горестями; решено положить им конец; Господь пошлет к тебе двух рыцарей, несправедливо удаленных от двора. Печаль гложет их, и намерены они найти утраченный покой души в чужеземных краях. Убеди их искать подвига в лесу; если руки их не обогреты невинной кровью, если души их не осквернены, они выйдут из этой борьбы победителями, но должны они прежде спросить свою совесть, ибо лишь святость жизни дарует им спасение».

Услыхав слова ангела, я пал ниц, а когда выпрямился, увидел один только яркий свет, прорезавший эфирный свод. Так узнал я о вас, дети мои, и если я верно сужу, судьба уготовила вам великие дела.

Тогда старший из рыцарей промолвил:

— Отец мой, сей молодой человек — мой воспитанник; оба мы происходим из благородных семейств, и священные узы дружбы объединили нас с юных лет; на моем подбродке едва показался пушок, когда Эрноф начал ходить. Еще в детстве он осиротел, и перед смертью отец его заставил ме-

ня поклясться, что я никогда не оставлю его сына; затем он посвятил меня в рыцари, дал мне оружие и всевозможные наставления и уснул вечным сном праведных.

Воинская доблесть звала меня ко двору... к битвам... и я отправился туда. Король, умиленный моей юностью, подружился со мной и вскоре стал выказывать мне уважение. Я сражался бок о бок с ним во многих битвах, и мне посчастливилось завоевать его любовь; однажды, когда мы дрались в меньшинстве, он едва не потерял свободу, но я собрал нескольких рыцарей, бросился на противника и вызволил своего короля, который в тот день восторжествовал над врагами.

Благодарность короля равна была моей услуге; все придворные повторяли его похвалы, и я стал королевским телохранителем.

Миновало уже пять лет с тех пор, как я в последний раз виделся со своим воспитанником; я предоставил его заботам преданного оруженосца. Но я чувствовал, что он нуждается во мне; я поговорил с королем, и тот позволил мне привезти ко двору моего приемного сына, мое дитя. Не теряя времени, я отправился за ним и вскоре обнимал своего Эрнофа; в нем, как я увидел, воплотились все мои надежды: он был храбр и обладал благородной душой. Я взял его с собой, и он пришелся королю по сердцу. Наш блистательный монарх изволил посвятить его в рыцари, а юная принцесса разрешила ему носить свой девиз. Увы! недолго продлились эти счастливые дни!

Восставший вассал принудил нас сражаться; король, восседая на коне, готовился вести свою армию в бой, но внезапно упал и сильно расшибся; пришлось уложить его в постель. Тем временем на помощь к мятежникам поспешили англичане; король же был не в силах встать на ноги. В этом бедственном положении он призвал меня.

— Поведи мои войска в битву, шевалье; солдаты знают тебя как друга короля, — повелел он.

Я преклонил колени перед королем и поклялся победить или умереть.

— Возвращайся с победой, — сказал король, — и я окажу тебе великую честь: ты присоединишься к моей семье, и я дам тебе в жены свою кузину, принцессу ***.

Обещание короля удвоило мое рвение; заметив это, король призвал принцессу и приказал ей видеть во мне будущего мужа; он велел ей даровать мне девиз и цвета, добавив, что не может наградить нас лучше, чем объединить в нашем лице добродетель и доблесть.

Пока он говорил, принцесса стояла недвижно и молча; затем она сказала, что согласна, и даровала мне свой девиз: «Защищай слабых и уважай добродетель». Цвет ее был черным, и с того дня меня называли Черным Рыцарем.

Не медля, я встал во главе армии; наши рыцари были храбры, солдаты хорошо обучены, и мы без труда одолели бы мятежников; но им помогали англичане, и нам пришлось нелегко. Началась решающая битва; я подбадривал солдат и сам вел их на врага; они совершали чудеса храбрости, но противник превосходил нас числом, и фортуна была не на нашей стороне. Тогда я обратился к Эрнофу.

— Сын мой, — произнес я, — спасение армии зависит от нас. Видишь эти полчища врагов? Они принесли нам смерть и разрушение; ударим по ним, пусть армия видит, что друзья короля сражаются рядом с ними.

Эрноф последовал за мной; воодушевленные солдаты вновь ринулись в сражение; мой молодой друг бился, как лев; спустя недолгое время англичане уступили его храбрости, но и мы пролили немало крови. Эрноф, окруженный несколькими врагами, упал; с быстротой молнии я кинулся к нему на помощь; я спас его, на сам был тяжело ранен, и меня без чувств унесли с поля боя.

Узнав о моих победах и ранах, король поспешил ко мне. Он нашел меня при смерти; его нежная дружба, его уход ускорили мое выздоровление, а наступивший мир стал бальзамом, окончательно залечившим мои раны.

Мы вернулись ко двору; король был твердо намерен выполнить свое обещание.

— Граф! — сказал он. — Через неделю ты будешь мужем моей кузины.

Увы! я был лишен супружеского счастья!

За день до свадьбы принцесса призвала меня к себе; я пришел, как она просила. Каково же было мое отчаяние, когда она разразилась рыданиями и промолвила:

— Шевалье, если бы одни благородство и доблесть завоевывали сердца, кто более тебя был бы достоин любви? Но узнай роковую тайну: я влюблена, рыцарь, я люблю давно и безнадежно. Король не знает о моей губительной страсти, и я не нашла в себе сил признаться ему. Я возлагаю все надежды на тебя, любезный рыцарь: ты можешь повести меня к алтарю, и я подчинюсь; однако я верю, что ты не покривишь душой, не пожелаешь ввергнуть меня в бездну горя и откажешься от союза, который станет несчастьем для нас обоих.

Я онемел, от боли я не мог найти слова и только воскликнул:

— Но как, принцесса? Что я скажу королю?

— Я притворюсь больной, — отвечала принцесса, — а тем временем мы что-нибудь придумаем.

Что тут скажешь? В конце концов я был принужден известить своего друга и короля, что не могу согласиться на брак. Монарх сделал все, чтобы вырвать у меня секрет, но я ревностно хранил чужую тайну; одолеваемый подозрениями и гневом, он назвал меня неблагодарным изменником и удалил с глаз своих. Молодой Эрноф не был во всем этом замешан, но из нежной дружбы ко мне предпочел изгнание радостям двора.

Когда рыцарь завершил свой рассказ, аббат сказал:

— Сын мой, горести твои велики; и вправду, безвинно утратить милость короля и сердце друга — великое несчастье; но мужайся, близится время... я вижу... о да, будущее открывается мне... Я вижу тебя с принцессой: она осознает, сколь сильно заблуждалась, она понимает, что предмет ее страсти недостоин ее, она отдает тебе руку и сердце... Но прежде мы должны разрушить дьявольские козни; раньше ты сражался с людьми, теперь тебе будут противостоять злые духи; не бойся, и пусть твое сердце будет каменным, дабы ничто не причинило тебе вред, ничто не устрасило. Вот ваши защитники: это распятие, этот образок с ликом Девы Марии

сделают вас неуязвимыми. Нынче ночью, в три часа, вы отправитесь в лес; мы с монахами будем молиться за успех вашего опасного предприятия. А теперь помолитесь и вы, и пусть святейшие таинства укрепят ваши души, как обильный ужин — ваши тела.

Сказав это, он удалился.

Ночью рыцари тронулись в путь, вооруженные с ног до головы. Едва они покинули стены аббатства, как показалась лань; они бросились в погоню; лань завела их в чащу леса, где глазам их предстал великолепный дворец; толпа разодетых придворных возносила почести королю Франции, другу нашего рыцаря. Рядом с королем сидела принцесса, и рыцарь на мгновение застыл, позабыв, что то были козни нечистого, и собрался было броситься к ногам короля и принцессы; однако Эрноф, угадав его намерение, удержал его и сказал:

— Видения эти ложны; дьявол пользуется твоими слабостями.

Его слов было достаточно; рыцарь выхватил меч и кинулся на призрак, а тот вскричал:

— Несчастный, ты хочешь убить своего друга, своего благодетеля? хочешь умертвить свою суженую? Приди лучше в наши объятия!

Напрасно уговаривал призрак: рыцарь, вооруженный мечом и верой, начал биться с ним и его принцессой. Замок обрушился, раздался ужасающий гром, земля разверзлась, и глазам двух воинов предстали неизмеримые глубины. Черный зловонный дым вышел из земли, и сонмы призраков закружились вокруг рыцарей; они же отчаянно разили мечами, и с каждым ударом облик врага менялся: то это была женщина, в слезах молившая их о пощаде, то младенец у материнской груди, то лютый зверь.

Битва длилась уже час, когда перед ними предстал громадный рыцарь: сила его равнялась храбрости, он осыпал противников жесточайшими ударами, но сердца их были выкованы из стали, и враг не сумел их утратить.

Спустя некоторое время они заметили, однако, что враг этот неуязвим: мечи их не могли его пронзить; вскоре ору-

жие их было сломано, а сами они покрыты кровью.

— Вы слабы, точно женщины, — проговорил демон. — Как отважились вы тягаться со мной? Трепещите, близится ваш последний час! Скоро вы пополните ряды безумцев, осмелившихся бросить вызов моей власти!

— О, Господи Боже! — вскричал Черный Рыцарь. — Если когда-либо я хулил Твое имя, не защищал невинных и слабых, дай мне погибнуть; но если поступал я по Твоему велению, если вела меня добродетель, дай мне победить в этой схватке!

Наши рыцари, видя, что оружие их бессильно одолеть демона, вооружились распятием и ринулись на врага рода человеческого. О чудо! стоило божественному кресту прикоснуться к нему, как воин исчез, и вместо него появился чудовищный призрак, при виде которого рыцари ужаснулись; но все же они продолжали сражаться, и призрак растаял в воздухе. Рыцари обвели глазами огромную поляну, где происходила битва, и увидели вокруг лишь деревья.

Они повернули назад и вдруг услышали жалобные крики:

— Благородные рыцари! Спасите нас, несчастных! Мы были храбры, как и вы, но не были наделены такой верой и добродетелями; много лет мы страдали в глубинах земли; помогите же нам!

Рыцари были бы счастливы помочь собратьям, но не знали, как до них добраться.

— Меня осенила мысль, — проговорил наконец Эрноф. — Установим распятие в земле и помолимся; крест и молитва укажут нам дорогу.

О диво! земля вновь разверзлась и показалась тропа. Наши воины спешат вниз и видят несчастных пленников; но на пути их спасения встают непреодолимые преграды; вся адская рать собралась здесь для защиты своей твердыни; призраки, фантомы, реки крови и сернистый дым делают ее неприступной; мириады демонов защищают ворота; рыцари тщетно бьются изо всех сил; но вот они достают священный образок, стены падают, демоны спасаются бегством; злосчастные пленники освобождены!

Полумертвые от ран и усталости, рыцари выбираются из леса и возвращаются в аббатство.

— Хвала Господу! — восклицает аббат. — Дьявольские козни разрушены, и все мы сможем спокойно вздохнуть.

Два рыцаря прожили в аббатстве несколько дней, а затем получили известие, что король приказывает им вернуться. Они подчинились приказанию, невиновность их была доказана, и Черный Рыцарь женился на принцессе.

ЗАМОК У ОЗЕРА

Плавая по Женевскому озеру, я заметил на берегу старинный заброшенный замок; на лице моего лодочника изобразился ужас, и он налег на весла, спеша удалиться от берега.

— Что вы там увидели? — спросил я.

— Месье, скроемся поскорее; видите, как грозит нам рукой этот призрак крестоносца?

Теперь и я разглядел привидение, делавшее угрожающие знаки.

— Как мило! Не скажете ли, что происходит в этом замке?

— Месье, — отвечал лодочник, — некогда я был рыбаком и был совершенно бесстрашен. Товарищи говорили мне сотни раз: «Эй, почтенный, не приближайся к замку; рыбы там много, но нечего ею соблазняться — замок населяют все призраки потустороннего мира». Я не обращал внимания на их советы; вернувшись в первый раз с полными сетями, я с тех пор каждый день рыбачил в этом проклятом месте. Бывало, я видел призраков, но испытывал страха и даже, сидя в лодке, поддразнивал их.

В один прекрасный вечер — роковой вечер! — я вытаскивал сети и увидел, как по воде идет призрак. Я не испугался, а схватил весло и приготовился его отогнать (было это то же привидение, которое вы только что видели). О ужас! чудовище взмахивает рукой, и все озеро загорается; повсюду в лодке извиваются змеи; призрак извергает языки огня из носа, рта и глаз; голос его грохочет, как гром. Крепкой рукой он останавливает мою лодку, и она в мгновение ока тонет; я вижу, как идет на дно все мое небольшое состояние, и слышу слова призрака:

— Ад ждет тебя, дерзкий рыбак; да научит твой пример ничтожных людишек сторониться духов тьмы!

Я бешено поплыл неведомо куда; к счастью, меня подобрал другой рыбак, привел меня в чувство (ибо я едва не умер у него в лодке) и отвез домой. Я был спасен, но увы!

моя лодка, дочери, мой младший брат — все погибло.

Вот что случилось со мною, месье, и я никогда не приближаюсь к проклятому замку, если только мне не прикажут путешественники. Я веду теперь жалкую жизнь, а раньше хорошо зарабатывал и кормил мою бедную семью.

— Друг мой, я сожалею о вашем несчастье; однако же я хотел бы поближе взглянуть на ваше привидение.

— Боже упаси, месье, вы не вернетесь живым.

— Хотите пойти со мной?

— О нет, мне хватило полученного урока.

— Ну хорошо, тогда посадите меня на берег.

— Бога ради, оставьте это безумство!

— К берегу!

— Я отплыву подальше и подожду.

В сумерках я подошел к подножию замковой башни. Я был вооружен до зубов; я боялся встретить не блуждающих покойников, в которых не верил, но обитателей нашего мира, занятых чем угодно, кроме молитв. Я вошел; замок был тих; я зажег свечу, обошел все комнаты и нигде никого не нашел; я расположился в одной из комнат, положил на стол пистолет и шпагу и стал храбро ждать появления врагов.

Я начал уже считать, что демоны или призраки решили лишить меня своего общества, когда что-то загремело и упало из трубы в камин. Я подошел к камину и увидел череп; миг спустя за ним последовала нога, затем руки и остальные части скелета.

— Ох! — сказал я себе. — Здесь не очень-то спокойно. Эти призраки умеют не только пугать.

Я собрался было удалиться, но тут послышался звон цепей; я прислушался и вскоре увидел перед собой давешнее привидение.

— Зачем явился ты в этот замок, незванный гость? — обратился ко мне призрак. — Разве мало было ужасного наказания твоего лодочника? Страшись, храбрец; весь ад восстанет против тебя!

Я не испугался, но озлился и выстрелил в привидение; оно лишь посмеялось над моей бессильной злостью, и по мановению его руки в комнату вторглись тысячи демонов!

Шум был ужасающ. И вот я бегу из этой проклятой комнаты, взбегаю по лестнице, бросаюсь в зал, где нахожу призрака в саване, измазанном засохшей кровью; я вновь бегу, орда скелетов удерживает меня костлявыми руками, я отбиваюсь шпагой, но безрезультатно; жуткий призрак бросается на меня, я уклоняюсь и убегаю; но вскоре я уже не знаю, куда бежать, ибо весь замок наполняется густым и тошнотворным дымом; преследуемый армией призраков, я вбегаю в соседнюю комнату, но потолок тотчас обрушивается, и я куда-то падаю...

Очнулся я при свете дня. Я был на берегу озера. Моя одежда была изорвана, и я едва сумел подняться на ноги. Мой лодочник подвел лодку к берегу и сказал, что с озера видел страшные вещи и был убежден, что я погиб.

Мы с грустью возвратились в Женеву, где я щедро заплатил лодочнику; денег этих хватило, чтобы он вернулся к прежним занятиям.

Что же до меня, то я еще несколько раз совершал лодочные прогулки по озеру, но старался держаться подальше от адского замка.

БЕСПОКОЙНЫЙ МЕРТВЕЦ И ЕГО СЫН

Господин Кайоль, богатый землевладелец из Марсея, принимал одного из своих арендаторов; последний заплатил ему двести франков. Землевладелец был в этот момент очень занят и сказал: «Возвращайтесь завтра, я выпишу вам расписку». Арендатор, не имевший оснований сомневаться в честности собственника, не торопился за распиской; так прошло несколько дней, а тем временем господин Кайоль умер от апоплексического удара.

Его единственный сын вступил во владение наследством. Просматривая книги, он видит, что крестьянин-арендатор, по имени Пьер, задолжал двести франков; он требует деньги; Пьер отвечает, что все заплатил. Господин Кайоль-младший просит показать расписку; расписки у бедняги Пьера нет; он объясняет, как это случилось, но землевладелец не верит ни единому слову, выгоняет крестьянина с земли, обращается в суд и выигрывает дело.

Исполнители уже собирались конфисковать пожитки Пьера, когда посреди ночи Кайоля-младшего (это он рассказывал мне сам) разбудил его отец; последний появился перед ним и произнес следующую речь:

— Несчастный! Что ты творишь? Пьер заплатил мне. Вставай, посмотри за зеркалом на каминной полке у меня в спальне, расписка там.

Сын встал, весь дрожа, выполнил приказание и нашел расписку.

Он возместил крестьянину все расходы и вернул ему землю. Когда я в последний раз бывал в Марселе, Пьер по-прежнему жил в той же деревне.

КЛАД

Я приехал в большой провинциальный город и остановился у друга; тот рассказал мне, что со смерти владельца в доме, кроме него, никто не живет, так как каждую ночь в нем кто-то устраивает невообразимый шабаш.

— Значит, мы услышим и, быть может, обнаружим бродячего покойника, — сказал я.

— Это не составит труда: мы каждую ночь видим его тень, — отвечал мой друг.

— Ага, ага! тем лучше.

Стемнело; я стал ждать мертвеца. Из предосторожности я вооружился. Около одиннадцати, когда мы ужинали, вошел рослый призрак в саване. Все задрожали. Призрак помянул меня, и я сказал:

— *Пойдем.*

Призрак повел меня в погреб; мы стали спускаться, внизу он указал мне на заступ и произнес:

— Копай.

Я решил, что лучше будет подчиниться и, не сделав и пятидесяти ударов, наткнулся на плотно запечатанный чутунок.

— Возьми этот чутунок, — сказал мне призрак, — и погляди, что внутри.

К моему удивлению, чутунок оказался полон золота.

— Здесь тысяча луидоров, — сказал мой собеседник. — Отнеси их моему сыну и накажи не подражать мне. Мною владел демон скупости, и моей единственной страстью было прибавлять золото к золоту; теперь я наказан, я приговорен к ста годам страдания. Скажи моему сыну, пусть заказывает пятьдесят поминальных молитв каждый год, это сократит срок моего наказания. Прощай.

И он исчез.

Я в точности выполнил просьбу призрака и отдал его сыну найденный клад; с тех пор в доме моего друга воцарился покой.

ШУТКИ О ВАМПИРАХ

— В то время как вампиры прекрасно себя чувствуют в Австрии, Лотарингии, Моравии и Польше, о них ничего не слышно в Лондоне и даже Париже. Я признаю, говорит Вольтер, что в этих двух городах есть ростовщики, торговцы и дельцы, сосущие людскую кровь при свете дня; но они не мертвы, хоть и прогнили. Эти истинные кровососы обитают не на кладбищах, а в прекрасных дворцах.

— Письменные показания о вампирах весьма любопытны. Кальме сообщает, что в Венгрии два офицера, посланные императором Карлом VI, в сопровождении местного бальи и палача отправились исследовать одного вампира, который был мертв шесть недель и сосал кровь у всех в округе. Его нашли свежим, крепким, с открытыми глазами, причем он требовал еды. Бальи вынес приговор. Палач вырвал у вампира сердце и сжег его, после чего есть вампиру больше не хотелось. Пусть никто не сомневается в существовании блуждающих мертвецов, о которых столь много говорится в наших древних легендах! (*Философский словарь*).

— В водевиле *Три вампира*, идущем в театре Варьете, содержится следующий обмен репликами:

Вампир Леду. «Позвольте!.. Меня хорошо знают. Зовут меня Леду, я сын господина Гриппа Леду, судебного исполнителя из Пантена, господ!»

Вампир Лароз. «Меня зовут Лароз, я сын Пьера Лароза, сборщика налогов из Со... и честный человек, осмелюсь сказать, господ».

Вампир Лазонд. «А я Лазонд, таможенный чиновник на заставе в Пасси, господ».

Господин Гобету. «Поскольку отец ваш судебный исполнитель, ваш — сборщик налогов, а вы, месье, таможенный чиновник... я не слишком ошибся, назвав вас вампирами. Все вы понемногу сосете нашу кровь».

— Когда ледяной ветер последней зимы погубил все оливковые деревья в Провансе, один скверный шутник сказал: «Прошлой зимой ветер устроил вам пир, а этой еще хуже».

— Знаменитый маркиз д'Аржанс, в своих *Иудейских письмах*, выражает некоторое доверие к историям о вампирах. Нужно было видеть, замечает Вольтер, как торжествовали иезуиты из Треву: «Вот он, — говорили они, — этот знаменитый скептик, который осмелился сомневаться в явлении ангела Пресвятой Деве, в звезде, что вела волхвов, в исцелении одержимых, в двух тысячах бесов, что бросились в озеро в виде свиней, в воскресении усопших, бродивших по Иерусалиму; его сердце смягчилось, дух его просветлен: он поверил в вампиров...»

— Было известно, что вампиры ели и пили. Трудность заключалась в том, чтобы узнать, питалась ли душа или тело мертвого человека. Решили, что это одно и то же. Нежные и невесомые деликатесы, как-то меренги, взбитые сливки и фруктовое суфле, были для души, ростбиф — для тела (*Философский словарь*).

— В результате большая часть Европы на протяжении пяти или шести лет была заражена вампирами, и теперь их больше нет; двадцать с лишним лет во Франции существовали конвульсионеры, и теперь их больше нет; и в течение семнадцати столетий мы знавали одержимых, а теперь их больше нет; и мертвые воскресали со времен Ипполита, а теперь больше не воскресают (*там же*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя вы прочитали в этом томе некоторые истории, содержащие в себе определенное зерно истины, в них не стоит верить. Это главным образом сказки или повести о приключениях, ни в коей мере не являющиеся достоверными. Можно ли верить людям, которые во всем видят одно сверхъестественное? В том же, что касается призраков, надежных свидетелей нет.

Верно, бывало и так, что выкапывали мертвые тела, не подвергшиеся тлению. Подобные случаи объясняются болезнями или свойствами почвы, где эти люди были захоронены; страх и смятенное воображение превратили их в вампиров.

Давно признано и наглядно показано, что мертвые не могут оживать и что на свете никогда не было блуждающих мертвецов; разум тем более доказывает, что нет ни вампиров, ни призраков, способных причинить нам вред.

В завершение позвольте заметить, что люди сколько-нибудь рассудительные никогда не видели ничего подобного, а призраки пугали лишь невежественных, темных и суеверных крестьян. Разве Богу, милосердному и справедливому, доставит удовольствие насылать на людей ужас, дабы сделать нас более несчастными?

КОММЕНТАРИИ

Перевод выполнен без сокращений по первому изданию 1822 года, вышедшему под прозрачным псевдонимом «Ch. N***». Фронтиспис, иллюстрирующий «черную сказку» *Привидение в красном*, взят из этого же издания.

Ниже освещены некоторые моменты, нуждающиеся, по нашему мнению, в комментариях; однако мы не ставили целью выявление источников тех или иных новелл, сказок и анекдотов, тем более что некоторые источники указаны у самого Нодье.

С. 7. *Infernaliana* — Выбирая заглавие для книги, Нодье апеллировал к сложившейся традиции антологий или сборников и, с другой стороны, ученых «диссертаций», содержащих повествования о призраках и блуждающих мертвецах, «страшные» сказки и новеллы, демонологические былички и т. п. *Infernaliana* призвана была стать в один ряд с целым созвездием изданий 1810-х – 1820-х гг. и прежде всего популярным двухтомником *Fantasmagoriana* («Фантасмагориана или Собрание историй о явлении духов, оживающих мертвецах, призраков и т.д., переведенных с немецкого любителем», 1812), частично основанным на немецком *Gespensterbuch* (1811); само же название книги восходит к пугающим театральным «фантасмагориям» конца XVIII-нач. XIX в. *Фантасмагориане* принадлежит особое и почетное место в истории фантастической литературы: именно эту книгу читали летом 1816 г. на вилле Диодати Байрон, Шелли, Мэри Шелли, Джон Полидори и Клер Клермонт, и именно она вдохновила *Франкенштейна* и *Вампира*. Вдохновила она и немало подражаний: в 1817 г. в Париже вышла в свет *Spectriana* Ж. Кузена, в 1820 — *Demoniana* Г. де Пабан (к которой, очевидно, приложил руку ее родственник Ж. Коллен де Планси, автор многочисленных сочинений по оккультизму и демонологии). Вероятно, он же помогал де Пабан в работе над *Историей призраков и демонов* (1819); следует отметить, что еще в 1818 г. де Планси опу-

бликовал первое издание своего ставшего впоследствии знаменитым *Dictionnaire infernal* («Инфернальный словарь»); ему приписывается также анонимная *Histoire des vampires et des spectres mal-faisans, avec un examen du vampirisme* («История вампиров и злых духов с приложением исследования о вампиризме», 1820). Как можно видеть, спрос на «таинственную», демоническую и «страшную» литературу был велик, и в этом смысле *Infernaliana* была откровенно рассчитана на коммерческий успех.

В 1999 г. на русском языке вышла книга *Infernaliana: Французская готическая проза XVIII-XIX веков*; составитель этого объемистого и весьма интересного тома С. Зенкин, хоть и заимствовал заглавие у Нодье, охарактеризовал его сборник как «довольно непритязательную коллекцию разнородных рассказов и фрагментов о привидениях, суккубах, вампирах и т. д.». В отношении многих текстов сборника спорить не приходится, однако *Infernaliana* Нодье — это еще и полигон сюжетов, а «непритязательность» книги порой только кажущаяся.

С. 7. *Les effets... utile* — Перевод эпиграфа: «Самые сверхъестественные явления часто вызываемы бывают простейшими причинами; подвергайте сомнению, не верьте слишком слепо, но воспользуйтесь тем, что может оказаться нам полезным» (фр.).

С. 8. ...*вампиров* — Вампиры завладели умами французских литераторов с появлением на шумевшего *Вампира* Полидори (1819); до выхода *Инферналианы* Нодье отдал им дань в написанной совместно с А. Жоффруа и Картушем по мотивам новеллы Полидори мелодраме *Вампир* (1820), а также великолепной новелле *Смарра, или Демоны ночи* (1821).

Предуведомление

С. 9. ...*Вольтер, в своем Философском словаре...* — Далее цитируется заметка Вольтера *Вампир*; в первые издания *Философского словаря* она не вошла, а появилась в 9-й части *Questions sur l'Encyclopédie* (1772) и стала считаться частью *Философского словаря* со временем публикации в 70-томном посмертном собрании сочинений (1784-1789), т. наз. «кельском».

С. 9. ...*Ленгле-Дюфреснуа* — Н. Ленгле дю Фреснуа (1674-1755) — французский эрудит, философ, историк и географ; ниже Нодье ссылается на его книгу *Recueil de Dissertations, anciennes et nouvelles, sur les Apparitions, les Visions et les Songes* («Собрание древних и новых известий о призраках, видениях и снах», 1751).

С. 9. ...*Тысяча и один день* — собрание персидских сказок, опубликованное в пяти томах в 1710-1712 гг. французским ориенталистом Ф. Пети де ла Круа (1653-1713); источники и степень авторства самого де ла Круа остаются под вопросом.

С. 9. ...*дом Кальме* — О. Кальме (1672-1757), французский аббат и экзергет; его книга *Dissertations sur les Apparitions des Anges, des Démons & des Esprits, et sur les Revenans et Vampires de Hongrie, de Boheme, de Moravie & de Silesie* («Рассуждения о явлениях ангелов, демонов и духов, а также о привидениях и вампирах в Венгрии, Богемии, Моравии и Силезии», 1746, 3-е дополн. изд. 1751) стала в свое время самым популярным и авторитетным источником сведений о призраках, вампирах и ревенантах.

Вампир Арнольд-Пауль

С. 13. *Крестьянин из Медрейги (деревня в Венгии)... Арнольд-Пауль* — Речь идет о подозревавшемся в вампиризме крестьянине Арнонде Паоле из современной деревни Медведжа в Сербии, чей случай, расследовавшийся австрийскими властями в 1731 – начале 1732 г. стал катализатором «вампирической эпидемии» первой половины XVIII в. Как имя Паоле, так и название деревни со времен первых протоколов часто искажались.

Фламандская девица, удушенная дьяволом

С. 15. *Черная сказка* — Здесь и далее мы предпочли этот буквальный перевод понятия *conte noir* напрашивающейся, но вводящей в некоторое заблуждение «страшной сказке»; дело в том, что поджанр *conte noir* имеет свои особенности и зачастую подразумевает фантастические события в реалистическом антураже.

Приключение с тетушкой Меланхтона

С. 22. *Филипп Меланхтон* — немецкий гуманист и богослов (1497-1560), выдающийся деятель Реформации.

Призрак Оливье

С. 23. *Кан* — город в Нормандии в современном департаменте Кальвадос.

С. 24. ...в *Коломбелле* — Речь идет о деревушке в окрестностях Кана, которая расположена на прорытом в 1837-1857 гг. канале, соединяющем порт Кана с Ла-Маншем.

Духи, поднимающие бурю

С. 31. *Князь Радзивилл, в своем Путешествии в Иерусалим* — имеется в виду кн. Н. Х. «Сиротка» Радзивилл (1549-1616), военный и государственный деятель Великого княжества Литовского; его записки о путешествии по Леванту и паломничестве в Святую Землю в 1580-х гг. были впервые изданы на латинском яз. в 1601 г. и с тех пор неоднократно переводились на европейские языки.

Призрак замка Эгмонт

С. 32. *В Сегрезуане* — *Сегрезуана* (1721) — антология шуток, забавных историй и анекдотов, связанных с французским беллетристом и поэтом Ж. Р. де Сегре (1624-1701).

С. 32. ...книга *Кардано о тонкости сущностей* — Д. Кардано (1501-1576) — итальянский философ, математик, инженер и астролог; здесь говорится о его труде *De subtilitate rerum* («О тонкости сущностей», первое изд. 1550).

Варпир Харпп

Судя по написанию имени (Harpre), Нодье почерпнул этот рассказ у Коллена де Планси; однако впервые история о Храппе (sic) рассказывается в исландской *Saga о людях из Лососьей долины*, записанной предположительно в середине XIII в.

О том, как призраки отправились в паломничество

Рассказ о монахе Петре Энгельберте и его слуге Санчо приведен в книге аббата Ключи св. Петра Достопочтенного (1092/94-1156) *De miraculis* («О чудесах»); Нодье взял его из книги О. Кальме.

С. 37. ...*клюнийским монахом* — в оригинале у Нодье, видимо, описка: «аббатом».

С. 37. ...*Альфонс, король Арагонский* — У Петра Достопочтенного имелся в виду Альфонсо VI Храбрый (1040/41-1109), король Леона и Кастилии, а не его зять Альфонсо I Арагонский (1073-1134).

С. 38. ...*монахи из Ключи вызволили его* — Как указывает современный исследователь, Петр Достопочтенный услышал и записал данную историю весной 1142 г. и летом воспользовался ею в переговорах с Альфонсо VII (внуком Альфонсо VI), чтобы заручиться пожертвованиями для клюнийского движения (см. Schmitt J.-C.. *Ghosts in the Middle Ages: The Living and the Dead in Medieval Society*. Univ. of Chicago Press, 1999. С. 76).

С. 38. ...*разбудил жену* — Кальме специально указывает, что Энгельберт «был тогда в миру и женат, но когда рассказывал это Петру Достопочтенному, был уже клюнийским монахом».

История о призраке, явившемся в Дурдене

С. 42. ...*Дурдене* — Дурден — городок в Бретани.

Приключения Тибо де ла Жакьера

Поскольку эта «маленькая повесть» является сокращенным и несколько видоизмененным пересказом соответствующей главы *Рукописи, найденной в Сарагосе* польского писателя и ученого Я. Потоцкого (1761-1815), в переводе использованы фрагменты из существующего русского перевода романа, выполненного А. Голембой.

Призрак, требовавший мести

С. 51. в *Монферрате* — Монферрат — историко-географический регион в Пьемонте (Италия).

О том, как призрак наставил Флаксбиндера на путь
истинный

С. 56. *Господин Ганов, знаменитый профессор и библиотекарь из Данцига* — В оригинале ошибочно «Ганор». Имеется в виду немецкий историк, математик и метеоролог М. Х. Ганов (Гановий, 1695-1773), ректор Академической гимназии в Данциге.

Ночное пиршество, или Шабаш ведьм

С. 62. *...прозвонив Ангелус* — Ангелус («Ангел Господень») — в католической и некоторых протестантских церквях колокольный звон, призывающий и зачастую сопровождающий одноименную молитву.

Рассказ о вруколаке

С. 64. *...путешествия де Турнефора по Леванту* — Речь идет о выдающемся французском ботанике Ж. П. де Турнефоре (1656-

1708), авторе посмертно опубликованной кн. *Relation d'un voyage du Levant fait par ordre du roy* («Сообщение о путешествии в Левант, совершенном по королевскому приказу», 1717).

С. 67. ...*острова Святого Георгия* — согласно различным источникам, крошечный островок или песчаная банка рядом с Миконосом.

Зачарованный дом

С. 74. ...*с голосом Стентора* — В древнегреческой мифологии Стентор — воин-глашатай, участник Троянской войны, чей голос был громок, как одновременный крик пятидесяти человек.

Договор с дьяволом

С. 79. ...*amende honorable* — букв. «почетный штраф», позорное публичное покаяние, использовавшееся в качестве наказания в старой Франции, иногда как часть ритуала смертной казни.

Заяц

С. 86. ...*лиардов* — Лиард — французская монета XIV-XVIII вв.

Шутки о вампирах

С. 100. *Шутки* — У Нодье *facétities*, букв. «фацетии».

С. 100. ...*говорит Вольтер* — Здесь и далее цитируется заметка Вольтера «Вампир» (см. прим. к с. 9).

С. 100. ...*водевиле Три вампира, идущем в театре Варьете* — *Три вампира* — водевиль Н. Бразье, Габриэля и А. д'Артуа, премьеры которого состоялась 22 июня 1820 г. После шумного успе-

ха мелодрамы Нодье и соавторов «Вампир», впервые поставленной 13 июня 1820 г., парижские театры в 1820 г. предложили зрителям еще шесть постановок, так или иначе связанных с вампирами. *Театр Варьете* — открывшийся в 1807 г. и существующий до сих пор театр на бульваре Монмартр в Париже.

С. 100. *Вампир Леду...* — в оригинале имена всех действующих лиц значимые («нежный», «слащавый» и пр.).

С. 100. *...заставе в Пасси* — в оригинале «застава Bons-Hommes», как она именовалась в то время.

С. 101. *Знаменитый маркиз д'Аржанс, в своих Иудейских письмах* — «Иудейские письма или философская, историческая и критическая переписка между еврейским путешественником в Париже и его корреспондентами в разных местах» (1735-37) — монументальное и центральное произведение французского писателя и философа-просветителя Ж. Б. де Буайе, маркиза д'Аржанса (Аржана, 1703-1771).

С. 101. *...иезуиты из Треву* — т. е. круг авторов, преимущественно иезуитов, влиятельного *Journal de Trévoux* (1701-1782), названного так по городу Треву близ Лиона, где журнал издавался до 1731 г.; нападки на энциклопедистов, материалистов и просветителей являлись визитной карточкой *Journal de Trévoux*.

С. 101. *...конвульсионеры* — связанная с янсенизмом религиозная секта, возникшая в конце 1720-х гг. во Франции и просуществовавшая в тех или иных видах до начала 1800-х гг.; известна чудесными исцелениями, экзальтациями, пророческими видениями, практикой истязаний.

С. 101. *...мертвые воскресали со времен Ипполита* — В древнегреческой мифологии герой Ипполит, сын Тесея, был возвращен к жизни врачом-богом и позднее богом медицины Асклепием.

Оглавление

Предуведомление	9
Кровавая монахиня	10
Вампир Арнольд-Пауль	13
Фламандская девица, удушенная дьяволом	15
История убитого мужа	19
Приключение с тетушкой Меланхтона	22
Призрак Оливье	23
Духи, поднимающие бурю	31
Призрак замка Эгмонт	32
Вампир Харпп	34
История о явлении призраков и демонов в году 1609	35
О том, как призраки отправились в паломничество	37
История о проклятой, восставшей из мертвых	39
Дьявольское сокровище	41
История о призраке, явившемся в Дурдене	42
Приключения Тибо де ла Жакьера	45
Призрак, требовавший мести	51
Каролина	53
О том, как призрак наставил Флаксбиндера на путь истинный	56

Необычайное привидение	57
Дьявол как он есть	58
Ночное пиршество, или Шабаш ведьм	60
Рассказ о вруколаке	64
Белая собачка	68
Путешествие	72
<i>Бесконечный конь</i>	73
<i>Зачарованный дом</i>	74
<i>Договор с дьяволом</i>	76
Привидение в красном	82
Заяц	85
Лань старинного аббатства	87
Замок у озера	95
Беспокойный мертвец и его сын	98
Клад	99
Шутки о вампирах	100
Заключение	102
Комментарии	103

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.